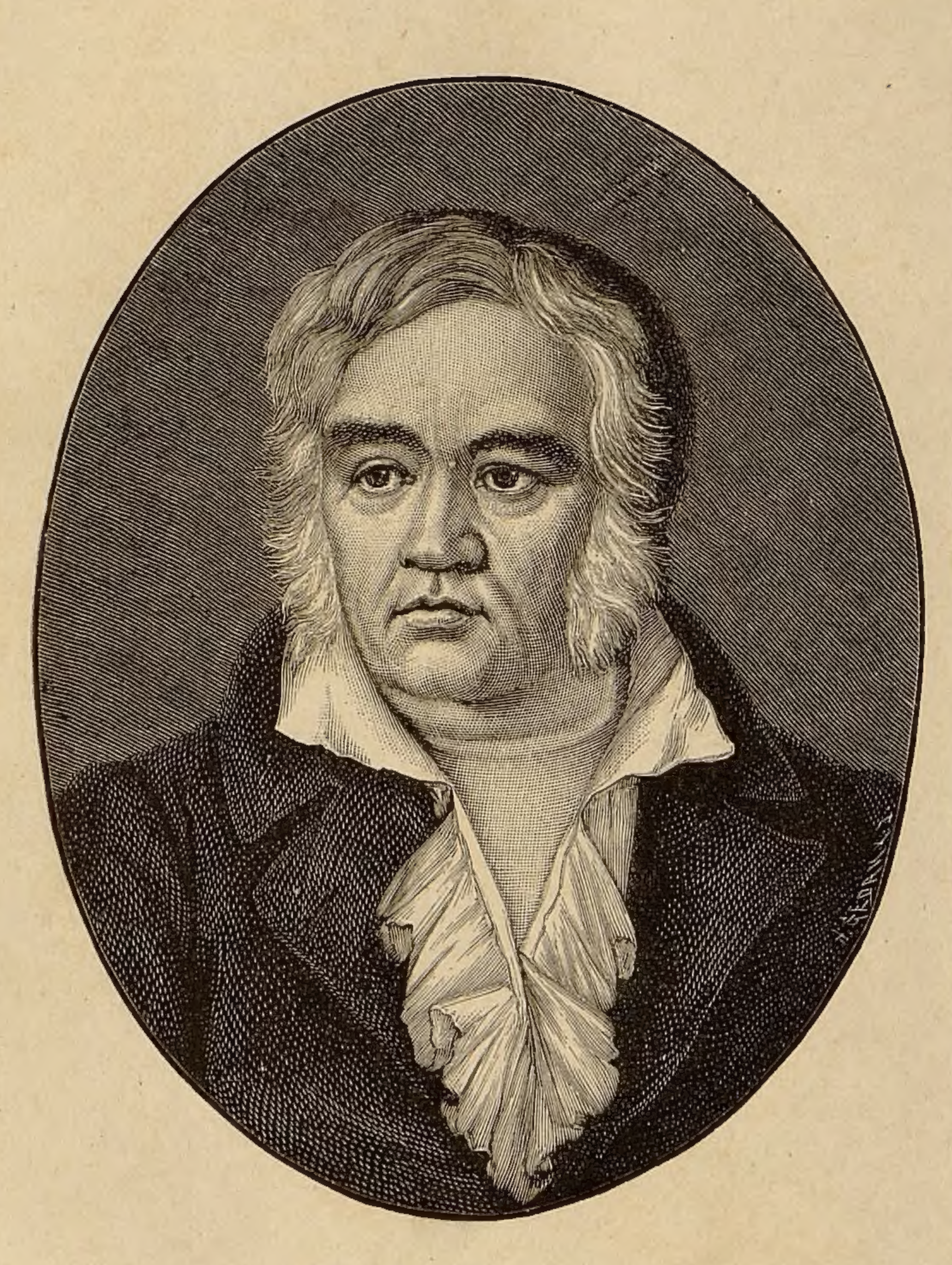
Дозв. ценз. Спб. 7 января 1891 г   Тип. Тов. „Общ. Польза“, Б. Подъяч., 39.

И. А. Крыловъ.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

И. А. КРЫЛОВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

С. М. Брилiанта

Съ портретомъ И. А. Крылова, гравированнымъ
въ Лейпцигѣ Геданомъ

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГР. ТОВАРИЩ. «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», Б. ПОДЪЯЧ., 39.
1891

Съ осени 1890 года издается задуманная Ф. Павленковымъ біографическая библіотека подъ заглавіемъ:

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Въ составъ этой библіотеки войдутъ біографіи слѣдующихъ лицъ:

ИНОСТРАННЫЙ ОТДѢЛЪ.

Байронъ, Бальзакъ, Ф. Беконъ, Бетховенъ, Бисмаркъ, Боккачіо, Р. Вагнеръ, Вашингтонъ, Л. Винчи, Вольтеръ, Галилей, Гарибальди, Гаррикъ, Гейне, Гете, Гладстонъ, Говардъ, Григорій VII, А. Гумбольдтъ, Гусъ, Гутенбергъ, Гюго, Дагерръ, Дантъ, Дарвинъ, Декартъ, Дженнеръ, Дидро, Диккенсъ, Жоржъ-Зандъ, Золя, Кантъ, Кальвинъ, Кеплеръ, Колумбъ, Контъ, Конфуцій, Коперникъ, Р. Кохъ, Кромвель, Кукъ, Кювье, Лавуазье, Лессепсъ, Лессингъ, Ливингстонъ, Линкольнъ, Линней, Лойола, Локкъ, Лютеръ, Магометъ, Маккіавелли, Мальтусъ, Меттернихъ, Микель-Анджело, Мольеръ, Мильтонъ, Мирабо, Мицкевичъ, Морзе, Моцартъ, Наполеонъ I, Ньютонъ, Оуэнъ, Паскаль, Пастеръ, Песталоцци, Прудонъ, Рабле, Рафаэль, Ротшильдъ, Руссо, Свифтъ, Сервантесъ, В. Скоттъ, А. Смитъ, Спиноза, Стенли, Стефенсонъ, Теккерей, Уаттъ, Фарадей, Франклинъ, Францискъ Ассизскій, Фультонъ, Шекспиръ, Шиллеръ, Эдисонъ, Эразмъ и другіе.

РУССКІЙ ОТДѢЛЪ.

Аввакумъ, Аксаковы, Аракчеевъ, Боткинъ, Бѣлинскій, Верещагинъ, Глинка, Гоголь, Грановскій, Грибоѣдовъ, Демидовъ, Достоевскій, Зининъ, Карамзинъ, Каразинъ (основатель харьковскаго университета), Катковъ, Кольцовъ, Крамской, Крыловъ, Лермонтовъ, Ломоносовъ, Менделѣевъ, Некрасовъ, Никонъ, Новиковъ, Островскій, Петръ Великій, Пироговъ, Посошковъ, Пржевальскій, Пушкинъ, Салтыковъ, Скобелевъ, Сперанскій, Суворовъ, Л. Толстой, Тургеневъ, Гл. Успенскій, Шевченко, Щепкинъ и другіе.

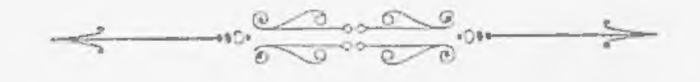
Каждому изъ перечисленныхъ здѣсь лицъ посвящается **особая книжка**, *заключающая въ себѣ около 100 страницъ и снабженная портретомъ.*

Цѣна каждой книжки—25 коп. *Все изданіе будетъ закончено втеченіе двухъ лѣтъ, т. е. до наступленія 1893 года.*

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 Января 1891 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Источники, послужившіе основаніемъ для біографіи И. А. Крылова.

1) Сборникъ статей, чит. въ отдѣленіи русск. языка и словесности Имп. Акад. Наукъ, 69 г., т. VI.
2) *Л. Н. Майковъ*, академикъ. Первые шаги И. А. Крылова на литературномъ поприщѣ, „Р. В.“, 1889 г., кн. 5-я.
3) Полное собраніе сочиненій И. А. Крылова съ біографіей П. А. Плетнева, изд. 1847 и 59 г.г.
4) Журналы: „Почта Духовъ“ 1789 г., „Зритель“ 1792 г., „Спб. Меркурій“—1793 г.
5) Примѣчанія къ баснямъ Крылова *В. Ѳ. Кеневича*.
6) Статья академика *А. Ѳ. Бычкова* о переводахъ басенъ Крылова на иностранные языки.
7) *Князь Вяземскій*. Полное собраніе сочиненій изд. гр. Шереметьева
8) *Батюшковъ*. Письма и сочиненія. Изд. Акад. Наукъ.
9) Басни И. А. Крылова съ біографіей *П. А. Плетнева*. изд. подъ редакціей *В. Кеневича*.
10) *Державинъ*. Біографія, т. IX, изд. Ак. Наукъ.
11) *М. И. Лобановъ*, академикъ. «Жизнь и соч. Крылова», 1847 г.
12) *Вигель*. Воспоминанія.
13) *И. И. Дмитріевъ*. „Взглядъ на мою жизнь“.
14) *М. И. Дмитріевъ*. „Изъ запаса моей памяти“.
15) *Жихаревъ*. „Дневникъ чиновника, О. З. 1855-го года, кн. 4, 5, 7, 8 и 9-ая.
16) *Пыпинъ*. Общественное движеніе при Александрѣ I.
17) *Колбасинъ*. Литературные дѣятели прежняго времени.
18) «Русская Старина» и другіе историческіе журналы.

---

*

ГЛАВА I.

Дѣтство и юность.

Равнодушіе Крылова къ его біографамъ.— Крыловъ — представитель прошлаго вѣка.—Рожденіе его.—Отецъ.—Пугачевщина.—Наслѣдственныя черты характера.—Находчивость и хладнокровіе.—Опасность въ дѣтствѣ.—Лагерная жизнь.—Тверь.—Служба отца.—Воспитаніе того времени.—Ученіе Крылова.—Смерть отца.—Мать.—Юноша-чиновникъ.—Домъ Львова.—Развлеченія.—Крѣпостной бытъ.—Вѣкъ Екатерины.—Журналы.—14-ти-лѣтній авторъ „Кофейницы".—Переѣздъ въ столицу.—Отставка.—Казенная палата.

Крыловъ не любилъ вспоминать о своей молодости и дѣтствѣ. Мудрый старикъ сознавалъ, что только въ басняхъ своихъ переживетъ онъ самого себя, своихъ сверстниковъ и внуковъ. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ бы родился въ сорокъ лѣтъ. Въ періодѣ полной своей славы онъ уже пережилъ своихъ сверстниковъ, и не отъ кого было узнавать подробностей его юнаго возраста. Крыловъ не интересовался тѣмъ, что о немъ пишутъ и говорятъ, оставлялъ безъ вниманія присылаемыя ему для просмотра собственныя его біографіи—русскія и французскія. На одной изъ нихъ онъ написалъ карандашемъ: «Прочелъ. Ни поправлять, ни выправлять ни время, ни охоты нѣтъ». Неохотно отвѣчалъ онъ и на устные разспросы. А насъ интересуютъ конечно малѣйшія подробности его жизни и дѣтства. Послѣднее интересно еще тѣмъ болѣе, что Крыловъ весь, какъ по рожденію и воспитанію, такъ и по складу ума и характера, принадлежитъ прошлому вѣку. Двадцать пять лѣтъ уже истекаетъ съ того дня, какъ вся Россія праздновала столѣтній юбилей дня рожденія славнаго баснописца. Онъ родился 2-го

февраля 1768 года въ Москвѣ. Знаменитый впослѣдствіи анекдотической лѣнью, Крыловъ началъ свой жизненный путь среди странствій, трудовъ и опасностей. Онъ родился въ то время, когда отецъ его, бѣдный армейскій офицеръ, стоялъ со своимъ драгунскимъ полкомъ въ Москвѣ. Но поднялась пугачевщина, и Андрей Прохоровичъ двинулся со своимъ полкомъ на Уралъ. Ревностный воинъ,—отецъ Крылова съ необыкновенной энергіей отстаивалъ отъ Пугачева Яицкій городокъ.

«Къ счастью», говоритъ Пушкинъ въ своей «Исторіи Пугачевскаго бунта»: «въ крѣпости находился капитанъ Крыловъ, человѣкъ рѣшительный и благоразумный. Онъ въ первую минуту безпорядка принялъ начальство надъ гарнизономъ и сдѣлалъ нужныя распоряженія». Нашъ баснописецъ наслѣдовалъ отъ отца эти качества и нерѣдко проявлялъ въ оригинальной формѣ какъ осторожность и благоразуміе, такъ и находчивость или рѣшительность.

Хладнокровіе и рѣшительность были вѣроятно причиной успѣховъ его и въ карточной игрѣ, которой со страстью предавался онъ одно время. Тѣми же качествами, хотя и не въ той оригинальной формѣ, обладалъ отецъ Крылова, а это въ борьбѣ съ такимъ врагомъ, какъ Пугачевъ, было гораздо важнѣе, чѣмъ безразсудная слѣпая отвага, въ которой и у послѣдняго не было недостатка. Въ самомъ дѣлѣ, оборона капитана Крылова привела въ такую ярость Пугачева, что онъ «скрежеталъ» зубами послѣ неудачнаго приступа и грозилъ повѣсить не только Симонова и Крылова, но и все семейство послѣдняго, находившееся въ то время въ Оренбургѣ. «Такимъ образомъ», говоритъ Пушкинъ, «обреченъ былъ смерти и четырехлѣтній ребенокъ, впослѣдствіи славный Крыловъ». Но Пушкинъ ошибался въ возрастѣ Крылова: ему шелъ уже въ то время седьмой годъ.

Ужасы того времени должны были оставить неизгладимый слѣдъ въ умномъ и наблюдательномъ ребенкѣ. Во всякомъ случаѣ походная жизнь, семейная обстановка бѣднаго армейскаго офицера и тѣсное соприкосновеніе съ военнымъ бытомъ, съ его тревогами, откровенными нравами и сценами то трагическаго, то комическаго характера, имѣли не-

сомнѣнное вліяніе на образованіе характера Крылова. Быть можетъ не покидавшая его во всю жизнь страсть къ пожарамъ, благодаря которой лѣнивый и равнодушный Крыловъ подымался съ постели и дѣлался проворнымъ и торопливымъ, была именно плодомъ впечатлѣній того періода дѣтства. Но что еще важнѣе, впечатлѣнія этого времени имѣли вліяніе на его позднѣйшее отношеніе къ народу, къ его бурной силѣ и порывамъ.

Конечно, тревожное дѣтство не было хорошей подготовкой къ правильному образованію и воспитанію. Правда, вслѣдъ за окончаніемъ бунта отецъ Крылова вышелъ въ отставку и поселился въ Твери, гдѣ получилъ мѣсто предсѣдателя губернскаго магистрата. Но условія жизни даже губернскаго города были не таковы, чтобы поправить дѣло. Ни постоянныхъ пансіоновъ, ни городскихъ школъ въ то время еще не знали. Народныя училища стали возникать только съ 1786 года. Современникъ Крылова, извѣстный поэтъ и баснописецъ Дмитріевъ, сынъ родового помѣщика, не жалѣвшаго средствъ для его образованія, обучался однако ариѳметикѣ у гарнизоннаго солдата, сержанта Копцева, отъ котораго слышалъ одни только «непонятныя слова»: искомое, дѣлимое и т. д.

Все-же, на ряду съ «обязанностями чиновъ», Дмитріевъ въ въ пансіонѣ знакомился съ исторіей и писалъ письма «по темамъ». Маленькій Крыловъ лишенъ былъ даже такого скуднаго образованія. Учителей русскаго языка тогда не было, какъ не было ихъ и позже, даже въ началѣ царствованія Александра; въ замѣнъ того учили французскому языку и миѳологіи. Не было учителей и для Закона Божія. Сельскіе священники, происходя изъ дьячковъ, знали только по навыку одну церковную службу, а о катехизисѣ не имѣли понятія. Между тѣмъ любознательность въ обществѣ росла. Родители Крылова воспитаны были въ то время, когда даже самое слово «воспитаніе» понимали совсѣмъ въ иномъ смыслѣ. «Могу сказать», говорила одна барыня, «мы у нашего батюшки хорошо воспитаны: «одного меду невпроѣдъ было». Правда, если не было еще воспитанія и правильнаго ученія, то былъ уже Ломоносовъ, примѣръ котораго дѣйствовалъ возбудительно на многихъ, а начало царствованія Екатерины II создало

обширную литературу, переводную и оригинальную. Къ счастью отецъ и мать Крылова понимали и цѣнили образованіе. Отецъ его оставилъ послѣ себя цѣлый сундукъ книгъ, что въ то время было большой рѣдкостью и роскошью, особенно при походной жизни бѣднаго армейскаго офицера.

Предсѣдателемъ губернскаго магистрата въ Твери отецъ Крылова былъ недолго, и черезъ три года умеръ, оставивъ семью—нашего Крылова, одиннадцатилѣтняго отрока, съ матерью и младшимъ братомъ Львомъ—безъ всякихъ средствъ. Пока отецъ былъ живъ, онъ помогалъ матери въ воспитаніи сына и училъ его, чему могъ, по крайней мѣрѣ русской грамотѣ. Теперь мать могла лишь давать наставленія дѣтямъ въ правилахъ религіи, насколько дозволяло ей время, уходившее на хозяйство и хлопоты о пропитаніи семьи. Кромѣ того юноша учился французскому языку у гувернера-француза въ домѣ помѣщика Львова, вмѣстѣ съ его дѣтьми. Благодаря почетному положенію отца Крылова въ городѣ, ему не трудно было получить отъ Львова дозволеніе сыну приходить на уроки его дѣтей. Это было въ то время въ общемъ обыкновеніи, но часто вліяло дурно на характеръ дѣтей, такъ какъ гувернеры не забывали указывать ученикамъ на разницу ихъ положенія и воспитывали часто спѣсивость въ однихъ, зависть и лесть въ другихъ. Можетъ-быть поэтому Крыловъ учился неохотно. Мать лаской и разными средствами старалась однако поощрять его. Крыловъ самъ впослѣдствіи, измѣнивъ разъ своей обычной сдержанности и молчанію, простодушно отвѣтилъ г-жѣ Карлгофъ на вопросъ о томъ, отличался ли онъ чѣмъ-нибудь въ дѣтствѣ: «и, матушка, былъ дитя, какъ и всѣ: игралъ, рѣзвился, учился не отлично, иногда меня и сѣкали». Но такъ-ли это? Не отличаясь ничѣмъ отъ сверстниковъ, при обстановкѣ мало удобной для образованія и развитія, едвали могъ явиться 14-лѣтній юноша уже авторомъ литературнаго произведенія—слабаго, но не лишеннаго интереса и таланта.

* * *

Девяти лѣтъ Крыловъ записанъ былъ—конечно только формально—подканцеляристомъ въ Калязинскомъ магистратѣ.

Со смертью отца перечислили его съ тѣмъ-же чиномъ въ Тверской магистратъ на дѣйствительную службу.

Одиннадцати лѣтъ становится онъ опорой семьи. Положеніе безотрадное, но Крылову, можно сказать, было счастье. Заключалось оно въ томъ, что родители его были честные люди. Протянуть всю жизнь военную лямку, потомъ занять мѣсто предсѣдателя магистрата и хотя бы въ три года службы ничего не оставить семьѣ, для человѣка способнаго, какимъ былъ отецъ Крылова, значило въ то время быть честнымъ человѣкомъ.

Въ прошеніи о пенсіи на имя государыни вдова писала, что мужъ оставилъ ее въ нищетѣ, такъ какъ, «не имѣя вотчинъ», содержалъ семью однимъ жалованіемъ. Но вдовьи слезы не дошли до императрицы. Да и наивна была ея просьба. Жалованье въ то время гражданскимъ чинамъ давалось ничтожное, взамѣнъ того имъ предоставлялось «кормиться». «Кормленіе» заключалось въ «благодарности» и взяткахъ. Съ этимъ явленіемъ мирилась сама Екатерина, и строгіе указы противъ взятокъ не тревожили сна Частобраловыхъ и Кривосудовыхъ.

Взамѣнъ денегъ отецъ Крылова оставилъ сыну неслыханное въ то время при его состояніи наслѣдство—сундукъ съ книгами. Тутъ были конечно и «Свѣтъ зримый въ лицахъ», и «Древняя Вивліоѳика» Новикова, и его-же «Дѣянія Петра Великаго» «съ дополненіями»—настольныя книги того вѣка и начала нынѣшняго, а рядомъ съ этимъ несомнѣнно были Жиль-Блазъ, Шехеразада, Телемакъ и быть-можетъ Донъ-Кихотъ. Вмѣстѣ съ книгами наслѣдовалъ Крыловъ отъ отца и охоту къ чтенію. Причиной того, что Крыловъ неохотно учился, были конечно и случайность, отрывочность его скуднаго ученія, и недостатокъ наглядности, которой требовалъ его живой, наблюдательный умъ. Но охота, можно сказать даже страсть къ чтенію осталась у него на всю жизнь. Впослѣдствіи, уже славный баснописецъ, Крыловъ во время дежурства на службѣ въ Публичной Библіотекѣ не скучалъ, подобно своимъ сослуживцамъ. Въ то время какъ Гнѣдичъ во время дежурства нервно ходилъ по двору и приходившимъ знакомымъ

молча указывалъ лишь пальцемъ на орденскій крестъ на груди, поясняя этимъ свое нервное состояніе, Крыловъ, взобравшись съ ногами на диванъ, запоемъ читалъ глупѣйшіе романы. Подобные романы читалъ тогда Крыловъ конечно не изъ интереса къ ихъ содержанію, и часто только при развязкѣ восклицалъ: «Ахти, да кажется я эту книгу ужъ читалъ», и дѣйствительно случалось, что читалъ онъ ее лишь за нѣсколько дней до того. Конечно это машинальное чтеніе необходимо было для того, чтобы удалить на время тѣ образы, что наполняли наблюдательный умъ баснописца. «Надобно дать отдыхъ уму», говаривалъ онъ самъ. Какъ-бы то ни было, этою страстью къ чтенію отличался онъ уже въ отрочествѣ. На ряду съ этимъ работалъ по своему и его наблюдательный умъ, рано обнаруживая въ немъ врожденную склонность къ каррикатурѣ и сатирѣ. Въ образованномъ домѣ Львова онъ не могъ не познакомиться тогда уже съ Лафонтеномъ и французской сатирой и каррикатурой, хотя конечно очень поверхностно. а сатирическіе журналы Екатерининскаго вѣка изощрили его наблюдательность и направили ее на современные типы. Въ этихъ журналахъ, разъ попали они въ его руки, онъ немедленно долженъ былъ узнать черты окружающаго быта—такъ обыденны были типы журнальной сатиры. Въ то время было принято писать лица съ натуры, «съ подлинниковъ», какъ это называли; этимъ пріемомъ восполнялся недостатокъ художественнаго таланта и достигалась обличительная цѣль. Лица были замаскированы, но такъ, что ихъ не трудно было узнать. Въ Твери, какъ въ губернскомъ городѣ, проживали временно неслужащіе дворяне, здѣсь спускали они оброки на неприхотливыя развлеченія и модные наряды. Крѣпостной бытъ со всѣмъ его произволомъ, дикимъ невѣжествомъ, грубыми нравами и суевѣріемъ ярко блисталъ и въ городѣ. По простаковски раздѣлывались дворяне со своими челядинцами. Въ магистратѣ устраивались кляузныя дѣла и вымогательства. Крыловъ, какъ доказываетъ его опера «Кофейница», рано сталъ относиться къ жизни болѣе или менѣе сознательно. Ему помогали въ этомъ раннее физическое и умственное развитіе и сама судьба, поставившая его еще мальчикомъ въ положеніе кормильца семьи.

Маленькій чиновникъ зналъ многое, чего другому и не снится еще въ его возрастѣ. Онъ любилъ кромѣ того толкаться среди простого народа. Его привлекали зрѣлища—пожары, кулачные бои; любилъ онъ также по цѣлымъ часамъ просиживать гдѣ нибудь у портомоенъ, слушая разсказы простыхъ и крѣпостныхъ людей. Здѣсь вѣроятно почерпнулъ онъ изъ какого-нибудь разсказа и сюжетъ своей «Кофейницы».

* * *

Быть можетъ болѣе, чѣмъ думалъ онъ самъ, былъ правъ тотъ тверской обыватель, который говорилъ: «Знаменитый баснописецъ принадлежитъ особенно нашей Твери. Здѣсь онъ воспитался и провелъ первые годы юности своей, здѣсь онъ началъ свое гражданское служеніе». Правъ, если смотрѣть на Тверь, какъ на миніатюръ Россіи прошлаго вѣка. Но особенно радоваться тверскому обывателю здѣсь нечему. Характеръ Крылова и многое въ его произведеніяхъ и во взглядахъ говоритъ о потерѣ этого именно возраста для правильнаго его образованія и развитія. Въ тогдашней Твери было много такого, чего Крылову можетъ-быть не привелось видѣть потомъ въ зрѣломъ возрастѣ и что воплотилось въ его басняхъ въ образахъ не совсѣмъ чистыхъ животныхъ; въ этомъ смыслѣ тоже правъ товарищъ его дѣтства.

Сатира вѣка Екатерины осмѣивала въ особенности нелѣпыя подражанія иностранцамъ: моды, манеры и употребленіе некстати иностранныхъ словъ—все, что совершенно не ладило со строемъ русскаго, да еще крѣпостнаго быта и въ чемъ многіе думали видѣть плоды просвѣщенія. Крылову, съ его чисторусскимъ умомъ, насмѣшливымъ и мѣткимъ въ остроумной каррикатурѣ, эта война пришлась особенно по душѣ; впослѣдствіи онъ даже дошелъ до чрезмѣрной крайности въ непріязни ко всему иноземному, что красной нитью проходитъ черезъ всѣ его произведенія. Юноша попробовалъ силы въ комедіи, подражая въ этомъ отношеніи самой императрицѣ. Плодомъ такой пробы пера и явилась комическая опера «Кофейница». Здѣсь Крыловъ намѣтилъ въ каррикатурѣ то, къ чему потомъ вернулся въ журнальной сатирѣ и наконецъ въ

баснѣ, изобразивъ «ворону въ павлиньихъ перьяхъ». Въ духѣ сатиры того времени юноша назвалъ свою героиню «Новомодова», уже обличая этимъ наиболѣе комичную сторону ея характера. Вотъ образецъ ея разсужденій:

Кофейница. (Гадастъ, глядя на гущу). «Какъ ваше имя сударыня?»

Новомодова. «Да развѣ ты не можешь угадать это на кофе? Да на что-жь тебѣ его и знать? Не по имени-ли и по отчеству хочешь ты меня звать?»

Кофейница. «Конечно, сударыня».

Новомодова. «О мадамъ! Пожалуйста не дѣлайте этого дурачества, для того что это пахнетъ русскимъ обычаемъ и ужасть какъ не хорошо. Я никогда во Франціи не слыхала, чтобъ тамъ другъ дружку звали по имени и отчеству, а всегда зовутъ мамзель или мадамъ, а это только наши русскіе дураки дѣлаютъ, и это безмѣрно какъ дурно».

Поклонница Франціи и французскаго языка, она однако въ совершенствѣ спрягаетъ глаголъ «драть» и склоняетъ «палки».

Опера слаба, но она не слабѣе оперъ того времени, принадлежавшихъ болѣе опытнымъ писателямъ; по крайней мѣрѣ въ ней нѣтъ баласта, есть юморъ и мѣстами недурные стихи, хотя есть и такіе, какъ «драться я не не умѣю» и т. д. При всѣхъ ея недостаткахъ, въ ней чувствуется та «свѣжесть созданія, которая всегда отличаетъ раннія, съ любовью отдѣланныя произведенія пробуждающихся сильныхъ дарованій» (Майковъ).

Въ то время какъ юный чиновникъ и сатирикъ пробовалъ свои еще не окрѣпшіе *львиные когти*, мать его рѣшилась отправиться съ семьей въ Петербургъ и тамъ искать протекціи для сына по службѣ или хлопотать о пенсіи. Въ самый годъ появленія «Недоросля», въ 1782 году, Крыловъ съ матерью и братомъ очутились въ этой новой столицѣ, въ томъ городѣ, который уже тогда современники называли «прекраснымъ».

Крыловъ получилъ мѣсячный отпускъ. Срокъ этотъ скоро истекъ, но Твери уже не суждено было увидѣть своего блуднаго сына. Только въ слѣдующемъ году тверской магистратъ хватился пропавшаго подканцеляриста «крылова» и послалъ въ Петербургъ требованіе: «крылова, яко проживающаго засрокомъ, сыскавъ прислать за присмотромъ».

Отецъ Крылова оставилъ военную службу вѣроятно вслѣдствіе личныхъ неудовольствій, такъ какъ при переходѣ на статскую службу не былъ награжденъ даже повышеніемъ чина. За него просилъ самъ Потемкинъ, но ему отвѣчали, что Крыловъ уже уволенъ и награжденіе его зависитъ отъ сената, куда военная коммиссія постановила «сообщить». Что сталось съ этимъ сообщеніемъ, неизвѣстно. Быть можетъ, еслибы Крыловъ-отецъ дожилъ до старости, его привезли-бы съ *фельдъегеремъ* въ Петербургъ и наградили за старую службу, какъ это сдѣлалъ императоръ Павелъ съ однимъ бѣднымъ маіоромъ, состарившимся въ своей глухой деревенькѣ.

Не знаемъ, нужно-ли жалѣть, что капитанъ Крыловъ не дожилъ до запоздавшаго награжденія, когда къ нему, какъ и къ маіору, вполнѣ была-бы приложима басня «Бѣлка», написанная позднѣе его сыномъ. Бѣлка при отставкѣ получила возъ орѣховъ:

«Орѣхи славные, какихъ не видѣлъ свѣтъ;
Всѣ на подборъ орѣхъ къ орѣху—чудо,
Одно лишь только худо:
Давно зубовъ у бѣлки нѣтъ».

Однако матери Крылова повидимому удалось отыскать покровителя, если не въ лицѣ самого Потемкина, то кого-нибудь изъ прежнихъ начальниковъ или сослуживцевъ мужа, и вслѣдъ за грознымъ приказомъ о розыскѣ Крылова послѣдовалъ приказъ тверского и новгородскаго генералъ-губернатора графа Брюсса, коимъ подканцеляристъ Крыловъ, согласно прошенію его, за слабостью здоровья, на основаніи указа о вольности дворянства—«поелику онъ изъ штабъ-офицерскихъ дѣтей»—уволенъ отъ должности, съ награжденіемъ *за безпорочную службу* чиномъ канцеляриста. Вслѣдъ за тѣмъ Крыловъ поступаетъ на службу въ Казенную Палату, съ жалованьемъ 25 рублей въ годъ, и остается навсегда въ Петербургѣ.

ГЛАВА II.

Первые шаги на литературномъ поприщѣ.

Старый Петербургъ.— Увлеченіе Крылова сценой.—Дмитревскій въ „Семирѣ".—Театръ въ Эрмитажѣ.—Сумароковъ.—Расинъ и Буало.—„Клеопатра".—Судъ Дмитревскаго.—Новая попытка въ ложно-классическомъ родѣ: „Филомела" и новая неудача.—Дмитревскій.—Вліяніе его на Крылова.—Дворъ Екатерины.—Комедіи Крылова.—Перемѣна службы. Смерть матери.—Новыя связи и знакомства.—Литераторы и вельможи. Ссора съ Княжнинымъ и Соймоновымъ.—Мстительность.—Письма Крылова.—«Проказники».

«Старый Петербургъ» въ 1782 году не былъ красивъ и грандіозенъ, какъ теперь, но все-же не даромъ его называли «прекраснымъ». Не говоря уже о царственной Невѣ и каналахъ, городъ поражалъ глазъ своею стройностью и свѣжестью новизны. Здѣсь было «окно въ Европу», и даже сами враги всего, что не Русью пахло, смирялись предъ этимъ новымъ величіемъ. Правда, на Невскомъ дворцы и каменныя зданія перемежались еще деревянными домиками и пустырями, но этотъ недостатокъ скрадывали огромные сады. Еще недавно Фонтанка была границей города и на ней вырубали лѣса, «дабы ворамъ пристанища не было», а теперь здѣсь красовались дворцы, построенные Растрелли и другими знаменитыми архитекторами, тянулись сады вельможъ и т. д. Границы города отодвинулись дальше: онъ росъ какъ сказочный младенецъ «не по днямъ, а по часамъ». Уже высился во всемъ своемъ величіи Зимній Дворецъ. Екатерина закончила его и основала Эрмитажъ. Особое и драгоцѣннѣйшее достояніе Петербурга представлялъ тотъ рѣдкій по красотѣ и величію памятникъ его основателю, которымъ и теперь любуемся мы и наши гости.

Мать Крылова поселилась съ сыновьями въ Измайловскомъ полку. Хотя это было уже въ чертѣ города, но все напоминало здѣсь больше Тверь, чѣмъ столицу. И здѣсь на каждомъ окнѣ можно было видѣть горшокъ бальзамина, а огороды и домашняя птица составляли подспорье въ хозяйствѣ обитателей. Однимъ годовымъ жалованьемъ сына въ 25 рублей жить было нельзя, даже при баснословной дешевизнѣ того времени. Первое время Крылова занимала новая обстановка. Но не городъ и не служба были главнымъ предметомъ его вниманія. Его влекла литература. Крыловъ понесъ свою «Кофейницу» къ извѣстному тогда въ Петербургѣ типографу-книжному торговцу и любителю музыки - Брейткопфу. Думалъ-ли послѣдній что-нибудь сдѣлать изъ этой оперы, или хотѣлъ только поддержать смѣлаго юношу, въ которомъ замѣтилъ если не талантъ, то по крайней мѣрѣ умъ и увѣренность, только онъ купилъ у Крылова «Кофейницу» за 60 рублей. Такой успѣхъ конечно возвысилъ Крылова въ его собственныхъ глазахъ и доставилъ ему уваженіе и почетное мѣсто въ средѣ сослуживцевъ. Театръ былъ въ это время единственнымъ источникомъ, удовлетворявшимъ эстетическимъ потребностямъ, пробуждавшимся въ обществѣ; но за то онъ имѣлъ такихъ горячихъ любителей, такихъ страстныхъ поклонниковъ, какихъ не знаетъ уже наше время. Ничто такъ не сближало людей, какъ страсть къ театру, къ сценѣ. Въ канцеляріяхъ чиновники въ то время не были обременены работой и могли свободно вести разговоры, иногда даже горячіе споры о достоинствѣ пьесы и артистовъ; каждый актеръ и актриса имѣли свою партію. Первыми знакомствами Крыловъ былъ обязанъ своему имени автора театральной пьесы. Знакомства завязывались не только въ канцеляріи, но и въ театрѣ. Вольнаго театра еще не существовало, но зато былъ не труденъ доступъ въ придворный театръ въ Эрмитажѣ.

«Екатерина хотѣла по два раза въ недѣлю доставлять своимъ подданнымъ счастье видѣть ее и наслаждаться плодами ума, таланта и изящнаго вкуса». Мѣста въ ложахъ и партерѣ назначены были по чинамъ, въ райкѣ-же дозволялось быть зрителямъ всякаго состоянія. Здѣсь Крыловъ въ первый разъ увидѣлъ Дмитревскаго въ «Семирѣ» и Сандуновыхъ въ оперѣ

«Cosa rara» (Рѣдкая вещь). Семира была вѣнцомъ славы Сумарокова, который особенно въ Петербургѣ «утвердилъ вкусъ публики надолго». Это не могло не имѣть вліянія на развитіе и направленіе таланта Крылова. Театръ не только удовлетворялъ потребности въ развлеченіи, но служилъ чуть-ли не единственнымъ источникомъ и эстетическаго развитія.

Въ райкѣ театра знатоки и любители имѣли уже свои условленныя мѣста. Сужденія и споры, начатые здѣсь, продолжались на другой день въ канцеляріяхъ. Крыловъ, хотя онъ уже въ свои 15—16 лѣтъ не легко поддавался чужому вліянію,—не устоялъ противъ вліянія театра и чтенія.

Вмѣсто денегъ за свою «Кофейницу» взялъ онъ у Брейткопфа книги, а именно Расина, Мольера и Буало. Съ этой минуты слава «русскаго Расина»—Сумарокова и лавры Княжнина не давали юношѣ спать. Но у Расина были талантъ и знаніе, у Сумарокова тоже была частица таланта, у Крылова-же и другихъ подражателей не было ни драматическаго таланта, ни образованія, ни развитого вкуса. Въ монологахъ Сумарокова слышались идеи Вольтера и проводились понятія великаго, блестящаго и разнообразнаго XVIII вѣка. У Крылова конечно не могло быть и тѣни чего-нибудь подобнаго. Тѣмъ не менѣе онъ принялся и написалъ «Клеопатру».

Кончивъ пьесу, понесъ онъ ее къ знаменитому тогда актеру Дмитревскому. Послѣдній жилъ на Гагаринской набережной, но Крылову вообразилось, что у Дмитревскаго, который принялъ его ласково и оставилъ пьесу у себя, не будетъ теперь никакого дѣла, кромѣ чтенія его трагедіи, и онъ изъ Измайловскаго полка сталъ ежедневно «навѣдываться о судьбѣ своего дѣтища». Наконецъ Дмитревскій принялъ его и сталъ читать трагедію съ нимъ вмѣстѣ. «Добродушно и охотно слушалъ умный, тактичный старикъ, разбиралъ содержаніе, дѣлалъ свои замѣчанія осторожно, но вѣско; хвалилъ, что было можно, поощряя къ труду, но не пропустивъ безъ замѣчанія ни одного явленія, ни одного даже стиха, ясно показалъ, отчего дѣйствіе незанимательно, явленія скучны, языкъ разговоровъ не соотвѣтствуетъ предметамъ, словомъ, что трагедія никуда не годится и легче написать новую, чѣмъ исправить старое». Кры-

ловъ понялъ и уничтожилъ Клеопатру. Взамѣнъ ея написалъ онъ «Филомелу», взявъ сюжетомъ миѳологическое преданіе древней Греціи. Миѳологія была тогда неизбѣжной приправой ко всякому знанію или, вѣрнѣе сказать, ко всякому невѣжеству. Крыловъ успѣлъ съ нею познакомиться по принятымъ руководствамъ, но наука сводилась къ знанію лишь именъ миѳическихъ существъ и героевъ, безъ малѣйшаго понятія о духѣ древняго міра. Это отразилось конечно и на «Филомелѣ».

«Я люблю только ужасное—таковъ мой вкусъ», говоритъ авторъ одной пьесы въ романѣ «Жиль-Блазъ»: «Я согласенъ съ Аристотелемъ: надо возбуждать ужасъ». «Это одинъ изъ тѣхъ трагическихъ сюжетовъ, которые волнуютъ душу образами смерти. Ахъ, еслибы я писалъ для театра! я никого-бы не выставлялъ на сцену, кромѣ кровожадныхъ принцевъ, кромѣ свирѣпыхъ героевъ, я-бы въ моихъ трагедіяхъ губилъ не только главныхъ лицъ, но даже стражу. Всѣхъ-бы убивалъ до суфлера». Таковъ былъ общій вкусъ того времени, и Плавильщиковъ вызывалъ восторгъ образованной публики тѣмъ, что былъ похожъ на «рыкающаго льва». «Филомела» дошла до насъ. Герой ея, согласно характеру Крылова, очень добродушно разсуждаетъ объ ужасныхъ страстяхъ. «Я имя на себя злодѣя возлагаю», говоритъ Терей: «а ставъ злодѣемъ, я весь свѣтъ пренебрегаю».

Дѣйствующія лица—манекены въ греческихъ тогахъ. «Всѣ условія, необходимыя по тогдашнему времени въ трагедіи соблюдены строго. Въ ней пять дѣйствій, Александрійскіе рифмованные стихи, возвышенный языкъ, т. е. смѣсь русскаго и церковно-славянскаго, при герояхъ—наперсники, превышающіе ихъ догадливостью въ крайнихъ случаяхъ; страсти—благородныя, свойственныя лицамъ идеальнымъ, злодѣянія выступаютъ за предѣлы человѣческихъ силъ, словомъ все, чему полагалось непремѣнно быть, кромѣ художественной истины и жизни, съ ея красками страны и народности».

Три года спустя Крыловъ самъ еще злѣе осмѣялъ подобныя пьесы и ихъ авторовъ.

Дмитревскій забраковалъ Филомелу. Но эта строгая оцѣнка его произведеній не оттолкнула умнаго юноши

отъ опытнаго актера. Напротивъ, онъ видѣлъ въ немъ своего руководителя и друга. Да, несмотря на разницу лѣтъ —Дмитревскій былъ 32 годами старше Крылова —ихъ отношенія становились все тѣснѣе и перешли въ дружбу. Конечно, это говоритъ въ пользу ума и развитія Крылова, но надо помнить также и необыкновенный тактъ Дмитревскаго. Притомъ образованіе и европейское просвѣщеніе не стерло съ его характера національныхъ красокъ и не уничтожило въ немъ привычекъ чисто-русскаго человѣка. Такимъ образомъ, въ характерѣ его и Крылова было много общаго.

Но при блестящемъ дворѣ Екатерины, умѣвшей соединять простоту и величіе, образовалъ онъ свои характеръ и манеры такъ, что больше походилъ на царедворца, чѣмъ на актера. Самъ грозный Павелъ сказалъ ему разъ, смѣясь его находчивому отвѣту: «ну, ты извѣстный куртизанъ матушкина двора». Крыловъ нашелъ у него такимъ образомъ школу не только для своего таланта, но и для характера и житейскаго воспитанія, чего не могла ему дать ни домашняя среда, ни приказная. И онъ съумѣлъ воспользоваться этими уроками, хотя и не сразу. Крыловъ, мнѣніемъ котораго всѣ дорожили, когда онъ успѣлъ развить въ себѣ тонкій вкусъ и пониманіе, всегда или хвалилъ, или молчалъ, какъ-бы со всѣмъ соглашаясь, или тонко улыбался, не давая замѣтить, кому не слѣдовало, этой улыбки или предоставляя каждому толковать ее въ свою пользу. Нѣкто изъ писателей напечаталъ въ предисловіи къ плохому, вездѣ забракованному сочиненію похвалы, слышанныя имъ отъ Ив. Андр. «Вотъ вамъ конфетка за неосторожность вашу», сказалъ ему Гнѣдичъ, но Ив. Андр. продолжалъ слѣдовать своей системѣ. Извѣстный въ молодости своимъ острымъ языкомъ, шутками и эпиграммами, Крыловъ-баснописецъ ушелъ однажды вдругъ среди одного литературнаго обѣда подъ предлогомъ нездоровья. Пріятель его, Лобановъ, догадался, что причиной были эпиграммы противъ нѣкоторыхъ лицъ. Ив. Андр. дѣйствительно сознался, что такъ. Хотя на него уже никто не могъ подумать, но «все-таки лучше дальше отъ зла», говорилъ онъ. «Вѣдь могутъ подумать: онъ тамъ былъ, стало быть дѣлитъ ихъ образъ мыслей».

Такъ остороженъ сталъ Крыловъ, умудренный долгимъ опытомъ, съ трудомъ лишь въ зрѣломъ возрастѣ добившись покоя, который онъ такъ высоко цѣнилъ, который такъ нуженъ былъ въ самомъ дѣлѣ славному баснописцу для его мудрой творческой работы.

* * *

Вернемся къ его первымъ шагамъ на литературномъ пути.

Онъ какъ-бы очнулся теперь отъ долгаго сна. Петербургъ съ его европейскими зданіями, порядками и образомъ жизни заставилъ Крылова забыть на время вражду къ иноземцамъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Петербургѣ, не только сравнительно съ Тверью, но даже съ Москвой, жизнь была проще. Не такъ силенъ былъ контрастъ нелѣпой старины и не менѣе нелѣпыхъ, ложныхъ внѣшнихъ подражаній. Контрастъ значительно сглаживался, особенно благодаря вліянію самой императрицы, соединявшей вокругъ себя все лучшее, что только выражало собою образованіе и вкусъ, любезность и простоту. Вмѣстѣ съ тѣмъ привычки, развлеченія, интересы и правила общежитія столичнаго населенія заимствовали свой свѣтъ отъ нея. Екатерина II дѣйствовала не только какъ царица, но и какъ женщина обаяніемъ своего такта, ума и любезности. Очень возможно, что Крылову уже въ первое время пребыванія въ Петербургѣ случалось видѣть близко этотъ кругъ. Есть указанія на то, что позднѣе, во время своей журнальной дѣятельности, онъ бывалъ на собраніяхъ въ Эрмитажѣ, но Лобановъ говоритъ, что Бецкій читалъ и одобрилъ его первую басню, написанную на 14-мъ году. Даровитый юноша рано обратилъ на себя вниманіе и можетъ-быть тогда-же, какъ интересный самородокъ, показанъ былъ императрицѣ и двору.

Неудача «Филомелы» отклонила его отъ ложной дороги. Онъ вернулся снова къ оперѣ и комедіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ воротился онъ къ осмѣянію нелѣпыхъ заимствованій, страсти къ модамъ и нарядамъ. Здѣсь, казалось, вступалъ онъ на свой истинный путь сатиры или по крайней мѣрѣ каррикатуры, но ему пришлось еще долго блуждать въ исканіи пути. Онъ

не былъ рожденъ писателемъ-драматургомъ. Умный и наблюдательный, Крыловъ не способенъ былъ сливаться съ другимъ лицомъ въ одно цѣлое и ни минуты не могъ жить сердцемъ ни съ кѣмъ изъ своихъ героевъ. Въ его трагедіяхъ герои разсуждаютъ въ моментъ самыхъ сильныхъ увлеченій, а дѣйствующія лица комедій подобны маріонеткамъ. Совершенно другимъ является Крыловъ, когда онъ, извлекая отдѣльныя черты, даетъ имъ живые образы, создавая такимъ образомъ типы болѣе или менѣе каррикатурные и въ то-же время живые, какъ сама дѣйствительность. Вслѣдъ за Филомелой въ томъже году явились двѣ его комедіи: «Бѣшеная семья» (комическая опера) и «Сочинитель въ прихожей».

Театральную дирекцію заваливали пьесами. Многіе любители пробовали писать съ единственною цѣлью добиться безплатнаго постояннаго билета въ партеръ. Входъ стоилъ мѣдный рубль, и молодые люди нерѣдко не доѣдали и не допивали, сберегая для театра послѣдніе гроши.

Крылову какъ будто повезло для начала въ этомъ родѣ. Директоромъ русской труппы былъ въ это время — Павелъ Александровичъ Соймоновъ, генералъ-маіоръ, служившій въ Кабинетѣ Ея Величества, человѣкъ умный, получившій образованіе въ Московскомъ университетѣ. Онъ обратилъ вниманіе на Крылова, принялъ его оперу «Бѣшеная семья» и поручилъ придворному композитору Деви положить ее на музыку. Крылову былъ выданъ постоянный билетъ въ театръ и заказанъ переводъ оперы: «Инфанты» (L'infante di Zamora).

Въ Соймоновѣ Крыловъ нашелъ въ первый разъ снисходительнаго покровителя и благодаря ему перешелъ на службу въ Кабинетъ Ея Величества подъ непосредственное начальство Соймонова. Для матери Крылова послѣднее было конечно гораздо радостнѣе, чѣмъ его литературный успѣхъ. Она скоро умерла и для нея въ послѣдній часъ ея трудной жизни было утѣшеніемъ видѣть сына на хорошей служебной дорогѣ. Крыловъ горячо любилъ мать, и конечно ея радость была для него пріятнѣе чѣмъ самая удача, такъ какъ онъ службу скоро бросилъ и даже въ болѣе зрѣломъ возрастѣ не дорожилъ ею. Въ Кабинетѣ Ея Величества чиновники также болѣе занимались спо-

рами «о троянской войнѣ» и театрѣ, чѣмъ бумагами. Крыловъ продолжалъ писать и переводить. Хотя его «Кофейницѣ» не удалось увидать сцены, а «Бѣшеная семья» еще долго оставалась въ забвеніи, тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ уже литературное имя, отчасти благодаря этимъ вещамъ и переводамъ или передѣлкамъ, отчасти благодаря нѣкоторымъ стихотворнымъ мелочамъ, въ особенности эпиграммамъ, которыя тогда быстро распространялись. Насмѣшливый умъ и острый языкъ, наконецъ самая внѣшность его обращали уже на себя вниманіе. Юноша 18, 19 лѣтъ, Крыловъ, говорятъ, былъ въ это время худощавъ, но высокаго роста, съ большой головой и спутанными прядями волосъ, падавшими на открытый, умный лобъ, выкупавшій некрасивыя, крупныя черты его лица. Подсмѣивался онъ надъ всѣмъ и надъ всѣми, не исключая и самого себя. Страсть къ каррикатурѣ проникала его такъ, что онъ вездѣ умѣлъ подмѣтить какую-нибудь смѣшную, комичную черту. Изъ знакомствъ по службѣ въ Казенной палатѣ сохранилъ онъ близкія отношенія съ Радищевымъ и Перепечинымъ, извѣстнымъ любителемъ театра, угадавшимъ талантъ знаменитаго потомъ актера Яковлева, когда послѣдній былъ еще сидѣльцемъ въ лавкѣ гостинаго двора. Теперь кругъ знакомствъ Крылова значительно расширился. Онъ сталъ бывать и въ кругу литературномъ, и у вельможъ-меценатовъ. Среди послѣднихъ были искренніе любители литературы, но были и такіе, что вѣшали портреты писателей на стѣнахъ, но съ неособеннымъ почтеніемъ относились къ живымъ. Ихъ осмѣялъ впослѣдствіи Крыловъ въ своей сатирѣ. Впрочемъ сознаніе собственнаго достоинства, сознаніе личности не было еще развито, и равенство отношеній между бѣднымъ сочинителемъ и вельможей было немыслимо. Крыловъ самъ впослѣдствіи разсказывалъ анекдотъ о бѣдномъ сочинителѣ, повадившемся ходить къ вельможѣ, у котораго за обѣденный столъ садилось отъ 30 до 40 человѣкъ, «званыхъ и не званыхъ». Сочинитель садился на концѣ стола, и его часто обносили блюдами слуги. Однажды ему особенно не посчастливилось, онъ всталъ почти голодный. Случайно послѣ стола вельможа проходилъ мимо него и ласково спросилъ: «доволенъ-ли ты?» «Доволенъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ онъ: все вид-

но было». Кто знаетъ, не былъ-ли этотъ сочинитель-«инкогнито» самъ Крыловъ. Въ молодости ему часто приходилось не доѣдать и, при его аппетитѣ, это было очень возможно. Притомъ современникъ его, Вигель, познакомившійся съ нимъ позже въ имѣніи князя Голицына, рисуетъ его въ этомъ отношеніи не слишкомъ щепетильнымъ. Онъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ о занятіяхъ Крылова съ нимъ и сыновьями Голицына русскимъ языкомъ, но сохранилъ непріязнь къ Крылову за то, что послѣдній указывалъ ему разницу въ рожденіи его и сыновей князя, хотя въ то-же время другимъ дѣтямъ указывалъ на преимущество общественнаго положенія семьи самого Вигеля. Этому можно вѣрить. Крыловъ былъ самолюбивъ, но таково было и его собственное воспитаніе въ домѣ Львова, и понятія общества. Но если Крыловъ мирился такимъ образомъ съ преимуществами «высшихъ», то не могъ позволить равнымъ оскорблять его самолюбіе. Въ подобныхъ случаяхъ онъ былъ мстителенъ и злопамятенъ. Вспышка мести повела его однажды далеко, при чемъ много помогла ему природная страсть къ осмѣянію и каррикатурѣ.

* * *

Эпизодъ, въ которомъ выказалъ онъ эту мстительность, ярко рисуетъ его характеръ въ молодости, его настойчивость и самоувѣренность. Въ основаніи эпизода лежитъ отчасти недостатокъ воспитанія, образованія и развитія вкуса молодого Крылова, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нравы общества, положеніе писателя и чинопочитаніе, даже въ литературномъ кругу, между собратьями по перу. Неряшливый и безпечный по природѣ, Крыловъ не особенно тяготился своимъ костюмомъ и всѣмъ тѣмъ, что обличало его скудныя средства, но бѣдность все-же дѣлала его щекотливымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Въ одномъ домѣ встрѣтился онъ съ женой Княжнина, занимавшаго тогда извѣстное положеніе въ обществѣ, какъ по своему таланту, такъ быть-можетъ еще больше по своимъ чинамъ, которыми жаловала его императрица. Жена его была женщина неглупая, но безтактная—довольно сказать, что она была дочь знаменитаго безтактностью, не менѣе чѣмъ талантомъ.

Сумарокова. Крыловъ въ это время занимался переводами для театра. «Что вы получили», спросила у него эта барыня: «за ваши переводы?»—«Мнѣ дали свободный входъ въ партеръ».—«Сколько-же разъ вы пользовались этимъ правомъ?» «Да разъ пять», отвѣчалъ Крыловъ. «Дешево же! Нашелся писатель за пять рублей!»

Можетъ-быть насмѣшка относилась больше къ дирекціи и положенію вещей вообще. Во всякомъ случаѣ тому, кто обладалъ увѣренностью въ себѣ, въ своей силѣ, незачѣмъ было придавать большое значеніе подобной выходкѣ. Наконецъ Крыловъ могъ отомстить шуткой или эпиграммой. Но общественное положеніе обидчицы, оскорбленное самолюбіе человѣка, сознающаго, что общество будетъ на сторонѣ обидчика только потому, что тотъ силенъ чинами и богатствомъ, вызвало злую и упорную месть Крылова. Онъ не отвѣтилъ ничего на оскорбленіе, по тѣмъ хуже было для Княжнина и его супруги. Оба эти лица́ выставилъ онъ на сцену въ комедіи «Проказники», которая впрочемъ на театральныя подмостки тоже попала не скоро. Княжнину далъ онъ имя Рифмокрада, а жену его окрестилъ пикантнымъ прозвищемъ Тараторы! Рифмокрадъ—бездарный стихотворецъ, воображающій себя великимъ писателемъ, потому что онъ сочиняетъ трагедіи, безцеремонно наполняя ихъ заимствованіями. Онъ подъ башмакомъ у своей жены, которая впрочемъ очень высокаго мнѣнія о его талантѣ. Таратора—женщина уже не молодая, но еще желаетъ прельщать своей красотой» и т. д. Въ журналѣ «Почта Духовъ», гдѣ Крыловъ продолжалъ свое мщеніе, есть между прочимъ сказка, начинающаяся такъ:

Ко славѣ множество имѣемъ мы путей:
Гомеръ хвалить себя умѣлъ весь свѣтъ заставить.
А Рифмокрадъ, чтобы вѣрнѣй себя прославить,
Нажилъ себѣ жену, а женушка—дѣтей,
Которы въ зрѣлищахъ и кстати и некстати
Въ ладоши хлопая, кричатъ согласно *тятя*.

Комедія такъ-же неудачна, какъ и прочія произведенія его въ этомъ родѣ. Только лица ближе къ жизни по той причинѣ, что списаны съ натуры. Впрочемъ Соймоновъ не замѣтилъ грѣха,

когда Крыловъ показалъ ему комедію, и разрѣшилъ ему ее напечатать. Но прежде чѣмъ Крыловъ могъ привести это въ исполненіе, содержаніе комедіи стало извѣстно въ городѣ и дошло до Княжнина. Послѣдній заподозрилъ и Дмитревскаго въ соучастіи или въ томъ, по крайней мѣрѣ, что онъ, просматривавшій всѣ сочиненія Крылова, навѣрно зналъ объ этомъ и не удержалъ его. Дмитревскій, какъ тонкій политикъ, не желая вмѣшивать себя въ это дѣло, показалъ письмо Крылову. Тогда Крыловъ, какъ бы пользуясь случаемъ лично обратиться къ Княжнину—онъ не былъ съ нимъ знакомъ — и ужалить его больнѣе, пишетъ къ нему оправдательное письмо, наполненное ядомъ ироніи, подъ видомъ невинности и наивности. Онъ удивляется, что Княжнинъ, самъ комикъ, вооружается противъ комедіи на пороки и «въ толпѣ развращенныхъ людей» находитъ сходство со своимъ домомъ. Онъ разсказываетъ самъ содержаніе своей комедіи. Говоритъ, что въ мужѣ выводитъ онъ «парнасскаго шалуна», крадущаго лоскутки изъ французскихъ и итальянскихъ авторовъ (черта, въ которой Княжнинъ не могъ не узнать себя), приводящаго въ восхищеніе дураковъ и «обижающаго честныхъ людей»—намекъ на подозрѣніе его, Крылова, въ пасквилѣ и Дмитревскаго въ соучастіи. «Признаюсь», говоритъ онъ, «что сей характеръ учтиваго гордеца и бездѣльника, не предвидя вашего гнѣва, старался я рисовать столько, сколько дозволяло мнѣ слабое мое перо». (!) Дальше описываетъ онъ свою Тарарору, опять-таки прямо рисуя извѣстныя черты жены Княжнина, и съ колкой *наивностью* прибавляетъ: «вы видите, есть-ли хотя одна черта, схожая съ вашимъ домомъ».

Онъ готовъ даже уничтожить комедію и написать другую, «но границы, полагаемыя вами писателю», говоритъ онъ, «такъ тѣсны, что нельзя бранить ни одного порока, не прогнѣвя васъ или вашей супруги: такъ простите мнѣ, что я не могу въ оныя себя заключить».

Наконецъ Крыловъ предлагаетъ Княжнину «выписать тѣ гнусные пороки, которые ему или супругѣ его кажутся личностью» и сообщить ему, Крылову; тогда онъ постарается ихъ смягчить или уничтожить. Но не довольствуясь этой довольно

грубой ироніей, Крыловъ впадаетъ въ еще болѣе пошлый тонъ: «повѣрьте», говоритъ онъ, что васъ обидѣлъ не я, описывая негодный домъ, который отъ трактира только разнится тѣмъ, что на немъ нѣтъ вывѣски (!), но обидѣли тѣ, кои сказали, что это картина вашего дома». Причина такой злости, запальчивости ярко сказывается однако въ заключительныхъ словахъ письма: «Впрочемъ напоминаю вамъ, что я благородный человѣкъ, *хотя и не былъ столь много разъ жалованъ чинами*, какъ вы, милостивый государь».

* * *

Комедія «Проказники» написана въ 1788 году. Въ мартѣ слѣдующаго 1789 года Соймоновъ снова вступилъ въ управленіе театрами, которое временно-было оставилъ. Отношеніе его къ Крылову теперь нѣсколько перемѣнилось, и онъ прямо далъ понять послѣднему, что не доволенъ его сатирой на лица. Все-же до слѣдующаго года Крыловъ оставался на службѣ, хотя, возмущенный и оскорбленный отказомъ и нежеланіемъ Соймонова поставить принятую уже давно отъ него комедію «Бѣшеная семья», написалъ и ему запальчивое письмо.

Письмомъ этимъ, раньше чѣмъ басней, Крыловъ доказалъ, что «мстятъ сильно иногда безсильные враги». Письмо грубо и дерзко, но нельзя отказать ему въ умѣ и въ тонкой ироніи. Онъ знаетъ больное мѣсто человѣка. Какъ директоръ театра, меценатъ и любитель, Соймоновъ конечно вѣрилъ въ свой вкусъ и умѣнье оцѣнить и выбрать пьесу. Крыловъ пишетъ ему, что даже о собственной комедіи не можетъ быть дурного мнѣнія только для того, чтобы не опорочить разумъ, выборъ и вкусъ Соймонова, который ее принялъ, и не заставить этимъ другихъ думать, что вкусу директора театра могутъ быть пріятны негодныя сочиненія! «По той-же причинѣ», прибавляетъ Крыловъ, «старался онъ защищать совершенство «Инфанты», которую Соймоновъ поручилъ ему перевести, но ни одинъ умный человѣкъ ему не вѣритъ». Онъ увѣряетъ, что публика бранитъ многія пьесы и просыпается только «отъ му-

зыки въ антрактахъ», но онъ не хочетъ называть эти пьесы, не желая «опорочивать тонкій вкусъ директора». Если играютъ «столько скучныхъ вещей», то почему не сыграть его «бѣдную оперу», «и неужели, ваше превосходительство», прибавляетъ онъ, «сія опера—самая негодная изъ всего вашего выбора?»

Этимъ больнымъ мѣстомъ онъ пользуется широко и язвитъ и жалитъ Соймонова на всѣ лады, все «не желая опорочивать его тонкій вкусъ». Онъ проситъ выдать ему деньги за переводъ «Инфанты», надъ которымъ онъ работалъ только по приказанію Соймонова, такъ какъ «самъ никогда бы не осмѣлился выбрать для перевода оперу, въ которой нѣтъ ни здраваго смысла, ни хорошаго слога, ни правилъ», и т. д. Хитрый юноша отлично понимаетъ, какъ горьки эти пилюли для Соймонова, хотя-бы и отъ маленькаго человѣка, бывшаго однако въ то время уже не безъизвѣстнымъ, но какъ-бы вовсе этого не думая, въ изысканныхъ выраженіяхъ заявляетъ, что имѣетъ намѣреніе «припечатать» это письмо при своихъ произведеніяхъ, которыя хочетъ отдать на судъ публики.

Съ поразительной самоувѣренностью говоритъ онъ при этомъ, что нѣкоторымъ образомъ долженъ дать публикѣ отчетъ, почему его «творенія» не приняты на театрѣ. Но въ сущности всѣ его комедіи, включая и «Бѣшеную семью», всего меньше заслуживали подобнаго названія. Дѣйствующія лица въ этихъ «твореніяхъ» таковы, что «не можешь надивиться, откуда эти люди зашли на сцену. Все, что ни говорятъ они, что ни дѣлаютъ, о чемъ ни шумятъ, за что ни сердятся, такъ чуждо общественной жизни и условій свѣта, что театръ привыкнешь почитать невѣдомой планетой, куда волшебникъ-сочинитель забрасываетъ насъ для изученія диковинокъ». Кромѣ того они носятъ печать того-же грубаго и пошлаго тона, какъ и письма, что можно объяснить конечно однимъ только «низменнымъ умственнымъ и нравственнымъ уровнемъ той среды, гдѣ протекала обыденная жизнь автора» (Майковъ).

Въ письмѣ къ Соймонову онъ указываетъ еще на то, что Казасій—итальянецъ, служившій при театрѣ—сталъ дѣлать ему затрудненія относительно входа по безплатному билету и посылаетъ его въ низшія мѣста. И здѣсь находитъ онъ случай

уколоть Соймонова, говоря, что конечно нѣтъ причины обвинять его, Крылова, въ нарушеніи порядка.

«Правда», говоритъ онъ, «я нерѣдко смѣюсь въ трагедіи и зѣваю въ комедіи», но въ этомъ виноваты глупыя пьесы, и притомъ онъ «такъ счастливъ, что часто публика его въ томъ поддерживаетъ».

* * *

Изъ всѣхъ драматическихъ произведеній Крылова остается для насъ самою интересною «Кофейница», которая напечатана была въ первый разъ по случаю столѣтняго юбилея дня рожденія Крылова. Она интересна какъ раннее произведеніе - проба пера, какъ зачатокъ его таланта, какъ первый узелокъ красной нити его сатиры.

На пути образованія своего таланта Крыловъ былъ не разъ *около* своего настоящаго призванія—призванья баснописца. Несомнѣнно, что нѣкоторыя басни, напечатанныя безъ подписи въ журналѣ «Утреніе часы», принадлежатъ его перу. Такимъ образомъ съ дѣтства ищетъ онъ эту форму, какъ отыскиваютъ предметъ подъ звуки музыки; то приближаясь къ ней, то удаляясь, постоянно прислушиваясь къ этому призванію, требующему тонкой отдѣлки, установившагося характера и зрѣлаго опыта, онъ медленно подвигается къ цѣли. Самыя неудачи даютъ ему случай упражнять силу воли и вырабатывать характеръ. Достоинство писателя ставитъ онъ все выше и выше. Въ письмѣ къ Соймонову это сознаніе и смѣлость выкупаютъ даже грубость тона. Жалуясь на то, что его посылаютъ на низшія мѣста, онъ говоритъ съ справедливымъ негодованіемъ и горькой ироніей бѣдняка-сочинителя, которымъ могутъ еще помыкать: «авторъ, которому дается входъ въ театръ въ рублевыя мѣста, можетъ ожидать, что вы со временемъ пересадите его въ полтинныя, потомъ въ четвертныя, *а потомъ и подлѣ дверей у входа поставить его изволите!*»

ГЛАВА III.

Крыловъ журналистъ.—Періодъ бездѣйствія.

Крыловъ—сынъ вѣка Екатерины.—Цѣльность натуры и сила убѣжденія.—«Почта Духовъ».—Вліяніе Рахманинова.—Стремленіе Крылова къ отдѣлкѣ въ изложеніи.—Рномокрадъ и Таратора —«Вадимъ».—Карамзинъ.—Журналы: «Зритель», «СПБ Меркурій» Отношеніе Крылова къ Карамзину.—Конецъ журнальной дѣятельности.—Закрытіе типографіи.—Анюта.—Неудача въ любви.—Борьба чувства и воли.—«Чинъ человѣка».—«Порывы и бездѣйствіе». Кочевая жизнь и село Казацкое.—

«Геній и улыбка Екатерины II творили чудеса, и перемѣны во всей Россіи шли гораздо быстрѣе, чѣмъ при Петрѣ Великомъ». Въ самомъ дѣлѣ перемѣны, которыя вносилъ въ русскую жизнь Петръ, держались только его сильной волей. Внутренняя неурядица продолжалась еще и при Екатеринѣ, доказательствомъ чего явилась пугачевщина.

Какъ знаменитый «Наказъ» былъ выраженіемъ прекрасныхъ и благородныхъ стремленій лишь на бумагѣ, такъ въ нравахъ и обычаяхъ подъ красивыми нарядами, манерами и рѣчами, взятыми на прокатъ у французовъ, царили по старому невѣжество и произволъ. Большинство россіянъ, даже побывавъ за-границей, возвращались оттуда «свинья-свиньей», какъ говоритъ въ своей баснѣ Крыловъ.

Но Петръ Великій «прорубилъ окно въ Европу» и по новому пути стали являться гости къ Екатеринѣ. Ее окружали философы и поэты. Своимъ умомъ и тактомъ она вліяла, сколько могла, на окружающее ее общество, а проводникомъ новыхъ понятій въ остальную массу явилась литература. Въ

числѣ орудій геніальнаго работника между топоромъ и сохой, которая такъ глубоко врѣзалась въ цѣлину русскаго чернозема, что и до сихъ поръ еще пашетъ, была и книга. Но она служила тѣмъ-же практическимъ цѣлямъ. Петру нужны были работники и мастера. Геніальный поэтъ-ученый, сподвижникъ Петра, писалъ о пользѣ стекла, но Державинъ былъ уже «пѣвцомъ Фелицы», а фонъ-Визинъ началъ «чистить нравы». Писатели стали воевать «со страстьми и заблужденьемъ». Сама императрица подавала примѣръ своими сатирическими комедіями, журнальными статьями, нравоучительными сказками и наставленіями о воспитаніи дѣтей. Казалось, что хорошимъ воспитаніемъ можно все исправить. И Крыловъ, какъ сынъ Екатерининскаго вѣка, остался навсегда того убѣжденія, что все дѣло въ нравахъ, а не въ учрежденіяхъ, не въ общемъ строѣ. Въ этомъ была ошибка, наложившая особую печать на всѣ произведенія Крылова. Его взгляды на современныя явленія родины и Европы были часто ошибочны, но сила убѣжденія была такъ велика и выразилась у него такъ ярко, что сохраняетъ свою цѣну до сихъ поръ, представляя намъ уроки трезваго ума, житейской мудрости и знанія человѣка, независимо отъ эпохи.

Сочиненія Екатерины играли ту-же роль въ литературѣ минувшаго вѣка, какую ботикъ Петра Великаго въ созданіи русскаго флота. За нею вслѣдъ явились Новиковъ, фонъ-Визинъ и др. Журнальная сатира уже сдѣлала свое дѣло и отцвѣла, когда явился Крыловъ и снова поднялъ старое знамя.

Въ 1789 году сталъ выходить въ Петербургѣ журналъ «Почта Духовъ». Кто былъ его издателемъ—самъ-ли Крыловъ или Радищевъ, или Рахманиновъ, неизвѣстно, но Крыловъ принималъ въ немъ значительное участіе. Нелѣпыя заимствованія у французовъ, утрата старыхъ хорошихъ нравовъ, разорительныя моды, пустота и волокитство, а главное иноземное воспитаніе и вредныя, по мнѣнію Крылова, ученія составляютъ главный предметъ его статей; эти-же темы переходятъ потомъ и въ басни. Двадцатилѣтній юноша Крыловъ высказалъ здѣсь умъ, устойчивость, твердое убѣжденіе, даже

смѣлость въ бичеванiи знатныхъ и сильныхъ, недостойныхъ своего сана, но не обладалъ образованiемъ настолько, чтобы понять настоящiя причины бѣдствiй народа, найти корни зла, таившiеся въ крѣпостномъ строѣ русской жизни. Тамъ, гдѣ онъ становится смѣлѣе и основательнѣе, замѣтно влiянiе болѣе образованнаго Рахманинова, одного изъ тѣхъ страстныхъ поклонниковъ Вольтера, у которыхъ «глаза наливались кровью», когда кто-нибудь не признавалъ мнѣнiй этого генiальнаго философа единственнымъ закономъ; но натура Крылова упорно не поддавалась никакому влiянiю, особенно въ духѣ Вольтера, къ которому онъ, съ его патрiархальнымъ складомъ ума и характера, чувствовалъ инстинктивную неприязнь. Отъ влiянiя Рахманинова поэтому онъ скоро освободился, но во время участiя въ «Почтѣ Духовъ» Рахманиновъ по собственному сознанiю Крылова «давалъ ему матерiалы».

Принималъ-ли участiе Радищевъ въ журналѣ перомъ или хотя-бы даже только деньгами въ изданiи, которое не могло окупить расходовъ при 80 подписчикахъ, во всякомъ случаѣ присутствiе его замѣтно въ нѣкоторыхъ обличенiяхъ, напримѣръ въ нападкахъ на царедворцевъ. Когда судили его за книгу «Путешествiе изъ Петербурга въ Москву», Екатерина написала на дѣлѣ, что Радищевъ *завидуетъ* *) приближеннымъ ко двору!

Журналъ выходилъ подъ названiемъ «Почта Духовъ», или «ученая, нравственная и критическая переписка арабскаго философа Маликульмулька съ водяными, воздушными и подземными духами». Такъ окрестилъ его Крыловъ, настоявъ на этомъ въ спорѣ съ Рахманиновымъ.

Младшiй членъ и сотрудникъ, не вносившiй никакой матерiальной поддержки, онъ былъ очевидно на столько необходимъ для успѣха дѣла, что самъ Рахманиновъ, извѣстный своимъ упрямствомъ—хозяинъ типографiи и быть-можетъ самаго журнала — уступилъ молодому человѣку. Крыловъ вполнѣ оправдалъ ожиданiя, хотя публика не оцѣнила достоинства журнала. Сатирическое дарованiе его развернулось съ большимъ

*) Сухомлиновъ. Очерки по исторiи просвѣщенiя.

успѣхомъ въ новой формѣ. Онъ не умѣлъ оживить драматическаго дѣйствія — этому мѣшала сухость въ собственномъ его отношеніи къ дѣйствующимъ лицамъ, но въ каррикатурныя свои изображенія и сатирическіе портреты онъ внесъ движеніе, чѣмъ и отличается его сатира отъ сатиры тѣхъ старыхъ журналовъ, которые «Почта Духовъ» напоминала своимъ названіемъ, какъ-то «Адская Почта» и др., гдѣ находимъ одно лишь резонерство. Конечно здѣсь нѣтъ жизни, но есть движеніе. Изображаемыя лица—маріонетки, которыя разсуждаютъ и движутся по волѣ автора. Ясно замѣтно, какъ эта повѣствовательная форма служитъ Крылову мостомъ къ его баснѣ.

Кто бы ни были эти духи: Зоры, Вѣстодавы и Дальновиды, ведущіе между собой переписку, Крыловъ чувствуетъ себя въ ихъ средѣ прекрасно.

Характеры ихъ различны, но цѣль одна, и другъ другу они не мѣшаютъ. Работая съ ними, Крыловъ вмѣстѣ съ тѣмъ учился и развивался. Не только сотрудники, болѣе образованные чѣмъ онъ, помогали ему своимъ вліяніемъ, но самъ онъ изощрялъ наблюдательность и вкусъ, много читалъ и въ особенности думалъ. Въ это время успѣлъ онъ значительно развить свой вкусъ и продолжалъ работать въ томъ-же направленіи. Онъ вскорѣ сталъ однимъ изъ самыхъ тонкихъ знатоковъ и цѣнителей искусства, особенно благодаря своему тонкому остроумію и оригинальному, трезвому и мѣткому уму. Уже въ письмахъ гномовъ Крыловъ проявляетъ стремленіе къ тонкой отдѣлкѣ въ изложеніи. Его «письма», по прекрасному опредѣленію г. Майкова, «напоминаютъ собою новеллы, въ которыхъ нетолько описаны нравы общества, но и очерчены характеры лицъ, разсказаны ихъ похожденія, и все это скрашено тонкимъ юморомъ, все вызываетъ тотъ свѣтлый смѣхъ, о высокомъ нравственномъ значеніи котораго говоритъ Гоголь».

Уже комедія «Проказники» была удачнѣе другихъ, потому что лица списаны были съ живыхъ «подлинниковъ»; тоже самое отчасти находимъ и въ его журнальныхъ статьяхъ. Здѣсь, между прочимъ, встрѣчаемся мы опять съ Рифмокрадомъ и Тараторой, которымъ неумолимый Крыловъ не даетъ по-

щады. Онъ не становится изъ Ахиллеса «Омиромъ», какъ комаръ въ его баснѣ, даже и теперь, когда Княжнинъ и безъ того въ опалѣ за свою трагедію «Вадимъ».

Теперь, въ 1789 году, Екатерина отнеслась къ невинному «Вадиму» Княжнина уже не съ той ясностью взгляда и терпимостью, какія она выказывала въ былое время. Это былъ годъ французской революціи. Екатерина измѣнила отношеніе ко всякимъ заимствованіямъ у французовъ и подражанію имъ даже въ модахъ. Когда, послѣ революціи, вошли въ моду у насъ жабо выше подбородка, стриженныя головы à la Titus, à la guillotine, лорнеты и коротенькія косы flambeau d'amour, Екатеринѣ подобное франтовство очень не понравилось. Она приказала одѣть въ этотъ нарядъ всѣхъ будочниковъ и дать имъ въ руки лорнеты. Франты послѣ того быстро исчезли. Съ этихъ поръ неприязнь къ подражанію французамъ все росла. Императоръ Павелъ, по вступленіи своемъ на престолъ, приказалъ выпустить на улицы двѣсти солдатъ съ извѣстной инструкціей, и многіе вернулись въ этотъ день домой съ разорванными на нихъ французскими жилетами и помятыми шляпами, а иногда и безъ оныхъ. Хотя даже и въ мѣрахъ, вызванныхъ подобнымъ неудовольствіемъ, императрица проявляла нѣкоторый тактъ, все-же извѣстная журнальная сатира въ этомъ духѣ становилась излишней съ той минуты, какъ «со страстьми и заблужденьемъ» уже были не «одни писатели въ войнѣ».

Журналъ выходилъ всего съ января по августъ. Неизвѣстно, почему прекратился онъ раньше срока. Виною могли быть недостатокъ средствъ и малое число подписчиковъ, но могли быть и внѣшнія препятствія, такъ какъ въ это время уже судили Радищева за его книгу «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву».

Каковы бы ни были причины прекращенія «Почты Духовъ», Крыловъ подмѣтилъ самъ, что она не удовлетворяла нарождавшимся потребностямъ, которымъ долженъ былъ служить журналъ въ то время. Въ обществѣ росло стремленіе къ сближенію съ Европой, и счастливымъ соперникомъ Крылова на журнальной нивѣ явился вскорѣ Карамзинъ. Въ са-

мый годъ изданія «Почты Духовъ» 23-хъ лѣтній юноша Карамзинъ отправился въ свое путешествіе по Европѣ, плодомъ котораго явились его знаменитыя «Письма». Успѣхъ этихъ послѣднихъ показывалъ, что отъ общественнаго писателя требовалось нѣчто новое. Эта роль не годилась для Крылова, для этого ему недоставало качества, которымъ обладалъ Карамзинъ, помимо своего европейскаго образованія и таланта,—это качество было—настроеніе.

Настроеніе Карамзина было сантиментальное. Оно было чуждо трезвому уму Крылова, но отвѣчало настроенію общества, въ которомъ нашло отзвукъ чувство гуманности, сознаніе личности, сочувствіе угнетеннымъ рабамъ. Гнетъ крѣпостного права начиналъ становиться невыносимымъ.

Возвратившись изъ-за границы, Карамзинъ сталъ издавать въ 1791 г. «Московскій журналъ», имѣвшій большой успѣхъ. Образованный и впечатлительный, Карамзинъ привезъ изъ-за границы запасъ наблюденій и личныхъ знакомствъ съ корифеями литературы, философіи и поэзіи. Имена Шекспира, Шиллера и Гете уже окружены были очарованіемъ и поэзія ихъ вызывала у насъ подражаніе. Крыловъ понялъ необходимость перемѣны программы журнала для успѣха въ публикѣ и рѣшился попытаться писать въ этомъ направленіи. Соединившись съ Клушинымъ, однимъ изъ лучшихъ критиковъ того времени, онъ сталъ издавать журналъ «Зритель». «Зритель» печатался уже въ собственной типографіи Крылова, пріобрѣтенной имъ отъ Рахманинова. Во введеніи къ журналу Крыловъ говоритъ между прочимъ: «Не подумаетъ-ли кто, что здѣсь стиховъ не будетъ? Боже сохрани! Безъ стиховъ ежемѣсячникъ, какъ пища безъ питья, или какъ чай безъ сахара. Угоститъ-ли тотъ хозяинъ гостей, который представитъ имъ обѣдъ, хотя-бы преизобильный и превкусный, но безъ всякихъ напитковъ? Безъ стиховъ нельзя!»

Въ послѣднихъ словахъ слышится иронія въ устахъ Крылова, но какъ бы то ни было, онъ рѣшился на все, лишь-бы угодить публикѣ и добиться успѣха. Все можно сдѣлать при сильномъ желаніи—таковъ былъ его девизъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ сталъ писать и печатать стихи собственнаго издѣлія въ

духѣ Державина и даже врага своего, Карамзина, проникнутые сентиментальностью. Конечно эти опыты были неудачны. Съ другой стороны, сатира его въ «Зрителѣ» стала менѣе интересна, чѣмъ была она въ «Почтѣ Духовъ». Время было уже для сатиры неудобное, да и отсутствіе Рахманинова и Радищева сказывалось невыгодно въ выборѣ матеріала. «Зритель» не имѣлъ успѣха; но Крыловъ твердо вѣрилъ въ свою волю, и новой попыткой его былъ журналъ «С.-Петербургскій Меркурій», появившійся въ 1793 году.

Эта новая попытка была и послѣдней. Крыловъ убѣдился, что «плетью обуха не перешибешь», а тратить силы напрасно было не въ его характерѣ. Въ Карамзинѣ онъ видѣлъ личнаго врага. Упорный и настойчивый, Крыловъ готовъ былъ сломить препятствіе, если невозможно обойти, но переварить его онъ не могъ. Его цѣльная натура и желѣзная воля не допускали компромиссовъ. На Карамзина обрушилась теперь та ненависть, которую питалъ онъ прежде къ Соймонову. Впослѣдствіи онъ сошелся съ Карамзинымъ въ одномъ кругу въ Петербургѣ, и консерватизмъ связалъ ихъ отношенія, но это было тогда, когда Крыловъ уже перешелъ въ зрѣлый возрастъ, когда установилось въ немъ его эпическое равновѣсіе и равнодушіе къ мелочамъ жизни.

Въ «Меркуріѣ» онъ осмѣялъ Карамзина. Здѣсь-же, кромѣ злой сатиры, не поскупился Крыловъ на личныя выходки дурного тона, но въ этомъ «похвальномъ словѣ Ермалафиду» много правды, комизма и тонкой ироніи. Нельзя не замѣтить, что Крыловъ былъ правъ, предсказывая забвеніе произведеніямъ Карамзина и его журналу. Все это современемъ потеряло всякій интересъ, кромѣ историческаго. Напротивъ, въ сатирѣ Крылова такъ много ума, лукавой каррикатуры, тонкаго остроумія, столько ироніи, что и теперь она читается съ удовольствіемъ и интересомъ. Естественно, что молодому автору было досадно не имѣть успѣха, тѣмъ болѣе, что его трезвой натурѣ казалось комичнымъ и неестественнымъ сентиментальное чувство, вошедшее въ моду въ литературѣ съ Карамзинымъ. Это чувство вызвало идеализацію народа. «Какая свѣжесть въ воздухѣ!» писалъ Карамзинъ. «Уже стада разсыпаются вокругъ

холмовъ; уже блистаютъ косы на лугахъ зеленыхъ; поющій жаворонокъ вьется надъ трудящимся поселяниномъ и нѣжная Лавинія приготовляетъ завтракъ своему Палемону» — и т. д. Въ дѣйствительности-же Лавинія и Палемонъ были крѣпостные люди... Каково было это въ глазахъ Крылова!—Не такъ понималъ онъ народность, онъ, которому суждено было еще стать на многіе вѣка первымъ народнымъ русскимъ поэтомъ. Впрочемъ въ свое время и Крыловъ не вполнѣ избѣгнулъ сантиментализма. Припомнимъ басню «Оселъ и Соловей», въ которой видно вліяніе легкой поэзіи Лафонтена:

...«Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался
И только иногда, внимая соловью, пастушкѣ улыбался».

Эти строки напоминаютъ больше картинку Ватто, чѣмъ русскую природу и жизнь.

Кромѣ журнала, въ типографіи Крылова печатались изданія переводныхъ романовъ.

Въ 1796 году вышелъ указъ императора Павла, упразднившій всѣ типографіи, кромѣ казенныхъ. Послѣднимъ изданіемъ типографіи Крылова былъ романъ въ 13 частяхъ «Приключенія Шевалье-де-Фоблаза, сочиненіе Лувета де-Кувре», переводъ съ французскаго.

Съ этого времени Крыловъ долго ведетъ кочующую жизнь. Имя его исчезаетъ въ литературѣ, и самъ онъ живетъ то въ деревнѣ у кого-либо изъ вельможъ, то въ столицѣ, то пропадаетъ совершенно изъ виду.

* * *

Въ 1790 году вслѣдъ за прекращеніемъ «Почты Духовъ» Крыловъ оставилъ службу въ Кабинетѣ и уѣхалъ изъ Петербурга. Въ это время въ Брянскомъ уѣздѣ познакомился онъ съ молодой дѣвушкой—Анной Алексѣевной Константиновой. Онъ старается понравиться вѣтренной дѣвушкѣ, но сознаетъ, что съ его наружностью это трудно, и склонность его къ каррикатурѣ и подсмѣиванью выражается въ подтруниваньи надъ самимъ собой:

*

«Нерѣдко милымъ быть желая,
Я передъ зеркаломъ верчусь,
И женскій вкусъ къ ужимкамъ зная,
Ужимкамъ ловкимъ ихъ учусь.
Лицомъ различны строю маски,
Кривляю носикъ, губки, глазки,
И испугавшись самъ себя
Ворчу, что вялая природа
Не доработала меня
И такъ пустила, какъ урода»

Въ то время въ модѣ была любовь платоническая, но Крыловъ былъ къ ней неспособенъ. Впрочемъ одно время дѣвушка повидимому выказывала расположеніе выйти за него.

Ради нея онъ дѣлаетъ долги и разныя безразсудства, словомъ находится въ періодѣ болѣзни, которою долженъ переболѣть всякій, какъ ребенокъ корью. Она любитъ наряды. Онъ находитъ, что ей они не нужны—такъ она хороша, но оправдывается передъ ней въ томъ, что воюетъ съ модами. Впрочемъ Аннушка его—хороша, онъ съ восхищеніемъ говоритъ о ея красотѣ и скромности, но не идеализируетъ ее.

Жизнь въ столицѣ, заботы, дѣла и развлеченія помогаютъ ему забыть Аннушку. Правда, онъ жалуется на свою слабость:

«Задумалъ цѣлый вѣкъ я свой
Противъ страстей стоять горой.
Кто-жъ могъ мнѣ быть тогда опасенъ,
Ужель дитя въ пятнадцать лѣтъ?
Конечно. Вотъ каковъ здѣсь свѣтъ.

Но Крыловъ самъ ошибался. Эта страсть не была для него опасна, какъ и всякая другая. Въ самомъ увлеченіи его мало чувства, какъ и въ стихахъ поэтому мало лиризма.

Онъ можетъ, по собственному признанію, любоваться ею «безъ ощущенія въ сердцѣ муки».

«Влюбился-бъ смертно—я не камень»

говоритъ онъ послѣ первой встрѣчи,

Но рокъ судилъ—любовный пламень
Къ иной красавицѣ питать..

Кто эта красавица, видно изъ слѣдующихъ строкъ въ «Посланіи къ другу»:

«Мнѣ чинъ одинъ лишь лестенъ былъ,
Который я ношу въ природѣ,
Чинъ человѣка: въ немъ лишь быть
Я ставилъ должностью, забавой;
Его достойно сохранить
Считалъ одной неложной славой».

Этотъ «чинъ человѣка» заключался для него въ его призваніи. Недаромъ онъ такъ горячо ссорился съ тѣми, кто задѣвалъ въ немъ это призваніе или былъ препятствіемъ на его пути. Онъ горячо любилъ литературу, медленно, но упорно отыскивалъ свой путь и впослѣдствіи, имѣя на своихъ плечахъ 60 лѣтъ, вернулся къ опредѣленію этой «неложной славы» и увѣковѣчилъ свой взглядъ въ баснѣ «Богачъ и поэтъ». «Едва одѣтъ, едва обутъ», поэтъ жалуется Юпитеру на богача, который «весь въ золотѣ и спесью весь раздутъ», тогда какъ у него, говоритъ онъ:

«Ни ложки, ни угла—и все мое имѣнье въ одномъ воображеньѣ».

«А это развѣ ничего», отвѣчаетъ ему судья-Зевсъ, «что въ поздній вѣкъ твоей достигнутъ лиры звуки... не самъ-ли славу ты въ удѣлъ себѣ избралъ?»

* * *

Страсти Крылова были хотя несложны, но такъ-же широки, какъ его лѣнь. Закрытіе типографій и вообще все время царствованія Павла неудобно было для литературнаго движенія; Крыловъ поневолѣ давалъ исходъ своимъ силамъ въ кое-какихъ порывахъ, особенно въ карточной игрѣ. Чаще всего Крыловъ въ это время живетъ въ домѣ князя Голицына, въ его имѣніи, въ селѣ Казацкомъ. По временамъ онъ исчезаетъ и оттуда. Ему надоѣдаетъ бездѣйствіе и онъ ищетъ развлеченій. Тогда появляется онъ гдѣ-нибудь на ярмаркѣ. Какъ въ дѣтствѣ любилъ онъ кулачные бои, такъ и теперь привлекаетъ его этотъ ничѣмъ не стѣсняемый въ то время ярмарочный разгулъ. Сюда съѣзжаются богатые помѣщики и въ одну минуту спускаютъ въ ва-банкъ оброки, а иногда въ придачу и самыя души. Иной спускаетъ домъ и послѣднюю утварь, не-

рѣдко тарантасъ, въ которомъ пріѣхалъ, съ лошадьми и кучеромъ. со всѣмъ скарбомъ до погребца съ ромомъ включительно.

Не смотря на умъ и развитіе Крыловъ, какъ любитель сильныхъ ощущеній, хорошо себя чувствовалъ въ этой сферѣ. Здѣсь поправлялъ онъ свои дѣла, счастливо играя въ карты.

Остроумный собесѣдникъ и забавный шутникъ, онъ бывалъ въ деревнѣ душою общества. Часто проводилъ онъ здѣсь время въ полномъ бездѣйствіи, но въ его умѣ и тогда неустанно совершалась работа. Однажды князь, зайдя въ его комнату, нашелъ его лежащимъ на диванѣ, въ полномъ бездѣйствіи и въ такомъ видѣ, что Крыловъ сконфузился и долженъ былъ оправдываться. Этотъ анекдотъ говоритъ о лѣни Крылова; но несомнѣнно также, что въ это время умъ его переваривалъ плоды наблюденій. Особенно долженъ былъ онъ бездѣйствовать послѣ своихъ разъѣздовъ и порывовъ. Тогда въ тишинѣ укладывалось все накопленное въ его умѣ и принимало своеобразную форму. Не мало работалъ онъ въ это время и надъ языкомъ, иначе не могъ бы вдругъ заговорить съ тѣмъ мастерствомъ, какое видимъ мы въ первыхъ-же его басняхъ. Имя его уже было извѣстно. Въ 1794 году ему удалось наконецъ увидѣть на сценѣ свою комедію «Сочинитель въ прихожей», но онъ уже сознавалъ, что сцена—не для него, и этотъ успѣхъ не побудилъ его къ новымъ трудамъ въ томъ-же родѣ. Въ это время онъ уже начиналъ сознавать тотъ путь, по которому суждено было ему идти. Когда онъ привезъ въ Москву свои первыя басни—переводъ изъ Лафонтена, и Дмитріевъ сказалъ ему: «наконецъ вы нашли вашъ истинный путь», эти пророческія слова лишь выразили то, что уже несомнѣнно было въ сознаніи Крылова. Во всякомъ случаѣ это была цѣль, къ которой велъ его геній.

Мысли и образы зрѣли въ это время въ его душѣ, облекаясь въ фантастическія и вмѣстѣ реальныя формы, быть можетъ благодаря природѣ, съ которою онъ сблизился сознательно только лишь теперь, во время своего бездѣйствія въ домѣ князя Голицына. А умъ и воля, опытъ и зрѣлый возрастъ установили равновѣсіе въ его характерѣ. Медленно перерождался Крыловъ, но зато дѣйствительно какъ-бы родился вновь. Съ

этой поры личность его становится анекдотичной, и какъ талантъ его принялъ новую форму, такъ и онъ самъ какъ-бы отлился въ форму баснописца.

Раздраженіе, вызванное у Крылова неудачами на драматическомъ поприщѣ и неуспѣхомъ изданій, могло улечься отчасти на привольѣ деревенской жизни и природы, отчасти забыться въ увлеченіи страстей. Онъ чувствовалъ въ себѣ силы богатыря, и его духъ незримо работалъ. Теперь нетолько исчезло раздраженіе, но и опредѣлился его путь. Уже въ журналѣ «Почта Духовъ» видно сознаніе важности сатиры и исканіе формы. Она должна быть *краткой*, въ этомъ главная ея цѣнность. Онъ говоритъ, что должно награждать писателя, который въ *краткой* формѣ даетъ поученія людямъ. Это вполнѣ отвѣчаетъ тѣмъ анонимнымъ попыткамъ, которыя онъ дѣлалъ уже тогда въ журналѣ «Утренніе Часы». Если онъ не подписывалъ имени, то конечно потому, что сознавалъ несовершенство формы, особенно сравнивая эти басни свои съ баснями славнаго тогда Дмитріева. Очевидна связь этого исканія формы басни съ дѣтскими попытками въ томъ-же родѣ, о которыхъ говоритъ преданіе устами Лобанова. Стремясь въ письмахъ гномовъ къ болѣе тонкой отдѣлкѣ, онъ въ то-же время продолжалъ втихомолку работать надъ басней. Краткость формы дѣлаетъ ее трудной. Уже выступивъ съ басней открыто, онъ заново передѣлываетъ первый свой опытъ «Дубъ и Трость» еще во всѣхъ изданіяхъ отъ 1806 до 1830 года. Начавъ почти съ пасквиля, онъ все больше и больше маскируетъ свою сатиру, стремясь къ иносказательности. Въ «Почтѣ Духовъ» рядомъ съ лицами, списанными съ натуры, стоятъ уже типы, въ которыхъ авторъ художественно воплотилъ извѣстныя черты характера, мотивы и движенія.

Въ предисловіи къ «Зрителю» Крыловъ рекомендуетъ публикѣ видѣть въ издателѣ «Зрителя» «не одно и не нѣсколько лицъ, а просто зрителя, который, наблюдая жизнь, выбираетъ то то, то другое, *не касаясь личности*, но описывая порокъ и добродѣтель». Такъ стремится Крыловъ освободиться въ сатирѣ отъ собственной личности, отъ своего *я*, но это ему еще не удается. Личныя волненія увлекаютъ его

на прежній путь, напримѣръ въ сатирѣ противъ Карамзина. Только тогда, когда, переживъ страсти и волненія, вступаетъ онъ въ періодъ полнаго равновѣсія умственныхъ и душевныхъ силъ, сатира его становится вполнѣ объективной. Лишь тогда создастъ онъ свой фантастически-реальный міръ и свою форму, въ которую укладывается этотъ міръ. Въ этомъ процессѣ созрѣванія его генія особенно интересенъ упомянутый періодъ бездѣйствія. Какъ плодъ, снятый съ дерева незрѣлымъ, дозрѣваетъ процессомъ броженія внутреннихъ соковъ, такъ и въ натурѣ Крылова въ это время бродятъ страсти и волненія, и наконецъ улегаются постепенно въ стройномъ порядкѣ.

ГЛАВА IV.

Крыловъ—баснописецъ.

Кочевая жизнь.—Рига.—Карты.—Петербургъ.—Положеніе Крылова въ обществѣ.—Жизнь въ столицѣ.—Война и патріотизмъ.—Комедіи Крылова.—«Кукла».—Успѣхъ «Модной лавки».—Домъ Оленина.—«Илья-богатырь».—Первыя басни.—Слава.—Друзья.—Дмитревскій.—А. Н. Оленинъ.—Князь Шаховской.—Эпиграмма Хвостова.—Месть Крылова.—Сдержанность.—Осторожность Крылова.—Литературные вечера.—«Драматическій Вѣстникъ».—Терпимость Крылова.—Художественное значеніе его басенъ.—Развитіе Крылова.—Умъ и сердце.—«Листы и корни».—«Колосъ».—Смѣхъ Крылова.

Крыловъ продолжаетъ вести кочевую жизнь, то уединяясь въ деревнѣ, то забываясь среди развлеченій столицы. Говорятъ, что въ Ригѣ выигралъ онъ въ карты большую сумму, тысячъ тридцать, которую однако опять проигралъ. Игру продолжаетъ онъ и въ Петербургѣ; однажды онъ впутался въ какую-то шайку шулеровъ и по приказанію генералъ-губернатора едва не былъ высланъ изъ столицы. Державинъ, извѣстный своей прямотой и честностью, также подвергался обвиненіямъ подобнаго рода—до такой степени увлекала тогда многихъ игра.

Однако вся послѣдующая жизнь Крылова говоритъ о томъ, что онъ силою воли и ума вышелъ чистымъ изъ всѣхъ этихъ увлеченій и страстей. Да и въ то время уже, несмотря на нѣкоторые недостатки, Крыловъ пользовался уваженіемъ и любовью многихъ.

«Литераторъ уже съ извѣстнымъ именемъ, молодой человѣкъ, умѣвшій образовать въ себѣ нѣсколько талантовъ, за

которые такъ любятъ въ свѣтѣ, драматическій писатель, вошедшій въ дружескія отношенія съ первыми артистами театра, журналистъ, съ которымъ были въ связи современные литераторы — Крыловъ не могъ почти замѣтить, какъ ускользалъ отъ него годъ за годомъ посреди развлеченій столицы. Онъ участвовалъ въ пріятельскихъ концертахъ первыхъ тогдашнихъ музыкантовъ, прекрасно играя на скрипкѣ. Живописцы искали его общества, какъ человѣка съ отличнымъ вкусомъ. Въ дополненіе пособій по литературѣ Крыловъ выучился по-итальянски и свободно читалъ книги на этомъ языкѣ. Ему не было уже чуждо и высшее общество столицы, гдѣ въ то время такъ радушно принимались люди съ дарованіями». Жизнь въ Петербургѣ текла въ это время весело и разнообразно. Недаромъ въ день воцаренія Александра I на улицахъ города встрѣчные обнимались и цѣловались, поздравляя другъ друга. Столица ожила. Вернулись литература и искусство. Особая коммисія изыскивала способы устройства и украшенія города, а Гваренги и другіе архитекторы строили дворцы, каналы, мосты и т. п. Салонамъ придавали особое оживленіе французы-эмигранты и постоянные споры и толки о Наполеонѣ и событіяхъ войны. Послѣдняя вызывала сильный подъемъ патріотическаго духа. Въ театрѣ нерѣдко собирались въ ложахъ нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ узнавать вѣсти съ поля битвы и забывали о спектаклѣ. На сценѣ имѣли успѣхъ всѣ произведенія, намекавшія на текущія событія, особенно все, что относилось къ величію Александра I. Вмѣстѣ съ модами вернулась и сатира на нихъ. Крыловъ написалъ двѣ комедіи: «Урокъ дочкамъ» и «Модная Лавка». Послѣдняя имѣла особенно большой успѣхъ. Въ одной сценѣ комедіи помѣщица хочетъ видѣть хозяйку модной лавки, мадамъ Каре. Дѣвушка Маша говоритъ, что пойдетъ ей доложить.

Сумбурова. Ужъ и доложить, жизнь моя! вѣдь это только у знатныхъ.

Маша. И, сударыня, тотъ уже знатенъ, до кого многимъ нужда.

До француженки-модистки всѣмъ была нужда и не въ одной лишь Россіи. «Пріѣхала-ли кукла?» вотъ вопросъ, волновавшій всю Европу. «Каждую недѣлю изъ улицы

Сентъ-Оноре въ Парижѣ отправлялась кукла, одѣтая по послѣдней модѣ, принятой въ Тюильри. Она должна была просвѣщать дамъ въ Лондонѣ, Вѣнѣ и Петербургѣ на счетъ того, какъ слѣдовало чесаться, обуваться и душиться, чтобы не отстать отъ моды. Она проникала, говорятъ, даже въ гаремъ турецкаго султана, гдѣ приводила въ восхищенье султаншъ и всѣхъ другихъ болѣе или менѣе законныхъ его женъ. У этой знаменитой куклы, надъ которой трудилось пятьдесятъ рабочихъ рукъ и двадцать различныхъ искусствъ, все заслуживало вниманія, начиная отъ рубашки и кончая вѣеромъ, отъ пряжекъ на башмакахъ до локоновъ на головѣ». Въ день взятія Бастиліи кукла впервые была задержана. Вскорѣ она стала появляться неаккуратно. Парижъ не утратилъ первенства вкуса, но республиканцы относились къ куклѣ какъ къ аристократкѣ. Теперь, въ началѣ новаго вѣка, негодованіе Европы противъ Наполеона опять обратилось на всю Францію: Европа попрежнему покорно принимала парижскія моды, но воины коалиціи задерживали куклу, точно новаго троянскаго коня, какъ эмисарку революціонныхъ идей.

* * *

Въ Петербургѣ даже въ высшемъ свѣтѣ возникли салоны, задавшіеся цѣлью бороться съ французскимъ вліяніемъ изъ ненависти къ Наполеону, врагу Россіи. Салоны эти прекрасно изображены въ романѣ Толстого «Война и Міръ». На литературныхъ вечерахъ у Державина, Оленина, князя Шаховского также энергично велась война съ этимъ вліяніемъ. Крыловъ принадлежалъ всей душой къ этому кругу, былъ связанъ самыми дружескими узами со всѣми членами его, и по просьбѣ и внушенію этихъ друзей взялся за перо, написавъ упомянутую уже комедію «Модная Лавка». «Во время представленія ея партеръ былъ всегда полонъ и хохотъ не умолкалъ», словомъ успѣхъ былъ огромный, но не надолго. Комедію скоро забыли, какъ только прошелъ воинственный задоръ. Князь Шаховской завѣдывалъ репертуаромъ театра. Онъ не любилъ переводныхъ комедій и чтобы уничтожить совсѣмъ любимую

тогда легкую вѣнскую оперу «Русалку», которую уже и безъ того впрочемъ передѣлали въ «Днѣпровскую Русалку», онъ упросилъ Крылова написать новую оперу. Крыловъ въ самомъ дѣлѣ написалъ оперу «Илья-Богатырь», которую поставили съ необыкновенно-роскошной обстановкой. Подъемъ патріотическаго духа создалъ успѣхъ и этому слабому произведенію. Во всякомъ случаѣ Крыловъ былъ и остался главнымъ выразителемъ вражды къ подражанію и заимствованіямъ.

* * *

Въ 1809 году въ первый разъ вышли отдѣльнымъ изданіемъ 23 басни Крылова, кончая баснею «Пѣтухъ и Жемчужное зерно». Никогда еще ни одна книжка на Руси не имѣла такого успѣха. Всюду проникали его басни, одинаково вызывая восторгъ и въ богатыхъ чертогахъ вельможъ, и въ самомъ бѣдномъ закоулкѣ, и среди заброшенныхъ на чужбину воиновъ.

Съ той-же минуты стали по этой книжкѣ учиться грамотѣ дѣти, а иногда и взрослые. Вмѣстѣ съ грамотой стали учиться по ней и чести, и правдѣ. Какъ вѣтеръ заноситъ летучія сѣмена въ трещину скалы, и на безплодномъ камнѣ выростаетъ прекрасный кустъ, такъ эти басни, попадая въ темное царство лжи, невѣжества и порока, давали новые, свѣжіе ростки въ сердцахъ людей.

Много свѣтлыхъ минутъ принесли онѣ съ собой, и съ каждой новой басней отголоски свѣжаго, звучнаго смѣха стали будить темное, непробудное царство. Слава Крылова началась уже раньше выхода книжки.

Въ концѣ 1805 года Крыловъ созналъ уже свои силы въ этомъ родѣ литературы и въ Москвѣ, какъ мы сказали выше, передалъ славному тогда поэту И. И. Дмитріеву свой первый переводъ изъ Лафонтена. «Это истинный вашъ родъ», сказалъ тотъ ему: «наконецъ вы нашли его».

Такимъ образомъ Крыловъ убѣдился, что инстинктъ и разумъ не обманули его. Но если еще могли быть въ немъ сомнѣнія, то успѣхъ первыхъ-же басенъ ихъ устранилъ. Не

смотря на то, что больше года осторожный Крыловъ беретъ еще сюжеты у Лафонтена, свѣжесть его таланта, сила и оригинальность въ передачѣ и мастерствѣ разсказа таковы, что ореолъ славы сразу окружаетъ его имя въ столицѣ. Крыловъ становится центромъ и душою того круга людей, гдѣ ему прежде покровительствовали, какъ талантливому человѣку. Его ищутъ вездѣ. Авторы пьесъ ищутъ его одобренія; иногда они недовольны его появленіемъ въ театрѣ—его оригинальная фигура и некрасивое лицо отвлекаютъ вниманіе зрителей отъ сцены. Его появленія ждутъ съ нетерпѣніемъ на литературныхъ вечерахъ, и вопросъ: «прочтетъ-ли что-нибудь Крыловъ» — занимаетъ всѣхъ и привлекаетъ слушателей. А Крыловъ читаетъ мастерски, да не всегда его можно упросить. Ласкаемый и любимый всѣми — простыми и знатными, предметъ особыхъ попеченій женщинъ—хозяекъ дома, это уже не тотъ Крыловъ, какого видѣли раньше. Тяжелый на подъемъ, но незлобивый и добродушный, онъ всегда одинаково остроуменъ и ласковъ. Цѣльность натуры и мощь таланта соединились въ гармоническомъ покоѣ. Улеглось броженіе силъ, стихли волненія молодости, и его личность, характеръ житейскихъ отношеній тѣсно слились съ его эпическимъ талантомъ.

Престарѣлый Дмитревскій, когда-то жестоко поразившій надежды юноши-Крылова, теперь радостно привѣтствуетъ его успѣхи. Разница въ 32 года исчезаетъ совершенно. «Крыловъ приходилъ къ нему, какъ въ домъ своего родственника. За сытнымъ обѣдомъ, всегда состоявшимъ изъ однихъ чисто-русскихъ блюдъ, въ халатахъ (если не было постороннихъ), они по своему роскошничали, и послѣ стола оба любили, по обычаю предковъ, порядочно выспаться».

Крылову всѣ друзья: и старые, и молодые. Первые цѣнятъ въ немъ особенно мудрость, послѣдніе—очарованіе генія-художника. Онъ—*Оленистъ*, т. е. принадлежитъ къ тому кругу, что собирается въ домѣ Оленина. Оленинъ бюрократъ, занимающій видное общественное положеніе съ различными должностями, считается центромъ петербургскихъ патріотовъ. Домъ его становится центромъ, главнымъ образомъ благодаря чисто-

русскому радушію его жены, Елизаветы Марковны. Крылова называетъ она ласкательнымъ именемъ «Крылышко», заставляя этимъ смѣяться Крылова, который самъ не прочь подтрунить надъ своей увѣсистой фигурой. Онъ умѣетъ отомстить и теперь неосторожному врагу или насмѣшнику, но такъ, *«какъ только умѣетъ мстить умный и добрый Крыловъ»*. Какъ ни сдержанъ былъ Крыловъ, онъ не могъ не посмѣяться надъ знаменитымъ въ своемъ родѣ графомъ Д. И. Хвостовымъ, бездарнымъ стихокропателемъ, безпощадно мучившимъ публику чтеніемъ вслухъ своихъ произведеній. Этотъ Хвостовъ писалъ и басни, и даже упрекалъ Крылова въ заимствованіи у него, Хвостова. Крыловъ посмѣялся надъ нимъ. Хвостовъ сочинилъ грубую эпиграмму:

Небритый и нечесаный,
Взвалившись на диванъ,
Какъ-будто неотесанный
Какой-нибудь чурбанъ,
Лежитъ совсѣмъ разбросанный
Зоилъ Крыловъ Иванъ:
Объѣлся онъ иль пьянъ?

Не смѣя выдать свое имя, Хвостовъ распускалъ эти стихи съ видомъ сожалѣнія, что находятся люди, которые язвятъ таланты вздорными эпиграммами. Но его выдавало уже слово «зоилъ». Сдержанный Крыловъ никогда не порицалъ, скорѣе, напротивъ, хвалилъ все или молчалъ, какъ будто соглашаясь. Если Хвостовъ вызвалъ его эпиграмму или сатирическое замѣчаніе, то только потому, что былъ смѣшонъ со своимъ непремѣннымъ желаніемъ быть поэтомъ во что бы то ни стало. Крыловъ угадалъ автора эпиграммы и сказалъ: «въ какую хочешь нарядись кожу, мой милый, а ушка не спрячешь»; подъ предлогомъ желанія прослушать какіе-то новые стихи графа Хвостова, онъ успѣлъ обмануть довѣрчиваго въ этой слабости графа, напросился къ нему на обѣдъ и ѣлъ за троихъ. «Когда же послѣ обѣда Амфитріонъ, пригласивъ гостя въ кабинетъ, началъ читать свои стихи, онъ безъ церемоніи повалился на диванъ, заснулъ и проспалъ до поздняго вечера». Эпиграммами въ то время не обижались. Иonѣ, въ подражаніе французамъ, вошли въ моду. Крѣпостное право давало возмож-

ность жить весело и привольно, а о неудобствахъ этого порядка никто пока не думалъ. Въ гостиныхъ горячо спорили о разныхъ вопросахъ, но безъ гнѣва, только «для сваренія желудка». Нѣкоторые славились остротами и экспромтами. Одинъ изъ главныхъ членовъ патріотическаго кружка Оленина и Шишкова—А. С. Хвостовъ, особенно былъ знаменитъ въ этомъ родѣ. Когда генералъ Львовъ, любитель сильныхъ ощущеній, рѣшился подняться съ Гарнереномъ на воздушномъ шарѣ, А. Хвостовъ сказалъ ему экспромтъ:

Генералъ Львовъ
Летитъ до облаковъ
Проситъ боговъ
Объ уплатѣ долговъ.

На что тотъ, не задумываясь, отвѣчалъ:

Хвосты есть у лисицъ, хвосты есть у волковъ,
Хвосты есть у кнутовъ.
«Берегись Хвостовъ!»

Всю остроту своего языка сохранилъ Крыловъ для своей басни, все больше уходя въ себя въ жизни. Самые крупные таланты дорожили теперь его мнѣніемъ. Озеровъ давалъ ему одному изъ первыхъ читать свои произведенія. Крыловъ все хвалилъ. Какъ ни былъ сдержанъ Дмитревскій, онъ не молчалъ, но за то умѣлъ сказать. Когда онъ говорилъ съ авторомъ какой-нибудь новой пьесы, люди, хорошо знавшіе его, вертѣлись на стулѣ отъ сдержаннаго смѣха. Когда Державинъ замѣтилъ о нѣкоторыхъ недостаткахъ «Дмитрія Донского» Озерова, трагедіи, имѣвшей необыкновенный успѣхъ, такъ какъ всѣ слова въ ней относились къ современнымъ событіямъ, къ Александру и французамъ,—«да, конечно», отвѣчалъ Дмитревскій: «иное и невѣрно. да какъ быть! Можно бы сказать много кой-чего о содержаніи трагедіи, но впрочемъ надо благодарить Бога, что у насъ есть авторы, работающіе безвозмездно для театра. *Обстоятельства не тѣ, чтобы критиковать такую патріотическую пьесу*. Такихъ людей, какъ Озеровъ, надо пріохочивать и превозносить, а то неравно, Богъ съ нимъ, обидится и перестанетъ писать. Нѣтъ, ужъ лучше предоставимъ критику времени; оно возьметъ свое, а теперь не станемъ огор-

чать такого достойнаго человѣка безвременными замѣчаніями». Крыловъ молчалъ, но конечно думалъ также.

* * *

Одинаковые вкусы и симпатіи связывали Крылова дружбою не только съ семьей Оленина, но и съ княземъ Шаховскимъ. Крыловъ поселился въ томъ-же домѣ Гунаропуло у Синяго моста, на углу Большой Морской. Квартиры ихъ были рядомъ. Ни чтеніе на литературномъ вечерѣ, ни чаепитіе не начиналось раньше, чѣмъ придетъ Крыловъ. «Теперь всѣ на лицо, Катенька», говорилъ князь, «какъ бы чаю».—«Ивана Андреевича еще нѣтъ», отвѣчала она и посылала сказать Крылову, что чай готовъ. Являясь, онъ всегда находилъ не занятымъ свое кресло въ углу, возлѣ печи. «Спасибо, умница, что мѣсто мое не занято», говорилъ онъ Екатеринѣ Ивановнѣ: «тутъ потеплѣе». Если читали новую пьесу и неумѣренно хвалили автора, Крыловъ никогда не возражалъ, и лишь иногда улыбался или переглядывался съ кѣмъ-нибудь поумнѣе изъ общества. «За что-же, не боясь грѣха, кукушка хвалитъ пѣтуха? За то, что хвалитъ онъ кукушку». Такъ сказалъ онъ въ баснѣ своей, много лѣтъ спустя. Впрочемъ Шаховской, котораго, какъ начальника репертуарной части, забрасывали произведеніями, самъ разъ отвѣтилъ на совѣтъ топить этими пьесами свою холодную квартиру, что у него стало бы еще холоднѣе, такъ мало въ нихъ жизни и огня. «Совсѣмъ бы заморозило».

«А ты не слыхалъ», говоритъ князь Шаховской графу Пушкину, «что Крыловъ написалъ новую басню, да и притаился, злодѣй!» Съ этимъ словомъ онъ вскакиваетъ съ дивана и кланяется въ поясъ Крылову. Князь Шаховской толстъ и неуклюжъ, но проворенъ. Вся фигура его очень оригинальна, но всего оригинальнѣе носъ и маленькіе живые глаза, которые онъ безпрестанно прищуриваетъ; говоритъ онъ скоро и пришепетываетъ.

«Батюшка, Иванъ Андреичъ», проситъ онъ: «будьте милостивы до насъ бѣдныхъ, разскажите намъ одну изъ тѣхъ сказочекъ, которыя вы умѣете такъ хорошо разсказывать». Крыловъ смѣется, «а когда смѣется Крыловъ, такъ это не да-

ромъ, должно-быть смѣшно». Слушающіе басню въ первый разъ уже знаютъ ее наизусть. Обыкновенно умоляютъ его прочесть снова. Иногда—ко всеобщему восторгу—у него есть басенки двѣ-три, иногда напротивъ нельзя упросить его читать. Читаетъ онъ обыкновенно подъ конецъ литературнаго вечера, вознаграждая такимъ образомъ всѣхъ за скуку. Его приберегаютъ къ концу еще и потому, что послѣ него никто не можетъ рѣшиться читать. Здѣсь, на вечерѣ у Шаховскаго, прочелъ Крыловъ въ маѣ 1807 года свою первую оригинальную басню «Ларчикъ», потомъ — «Оракулъ». Конечно и раньше не было-бы недостатка у Крылова въ оригинальномъ сюжетѣ, но осторожный авторъ, сознавая, на какой великій путь вступаетъ онъ, и имѣя соперника въ знаменитомъ и популярномъ тогда баснописцѣ Дмитріевѣ, счелъ болѣе осмотрительнымъ начать съ подражанія ему и Лафонтену. Но какъ скоро превзошелъ онъ его! «Ларчикъ»—первая оригинальная басня Крылова; она почти не потерпѣла измѣненій, тогда какъ первую переводную басню «Дубъ и Трость» онъ передѣлывалъ 11 разъ, все приближаясь къ оригиналу. Напротивъ «Разборчивая невѣста» написана имъ свободно и поэтому очень мало потребовала передѣлки. Также и впослѣдствіи всѣ басни, сюжеты которыхъ взяты имъ у Лафонтена или Эзопа, обработаны такъ свободно, въ духѣ русской народности и языка, что подъ его перомъ стали вполнѣ оригинальны и мастерствомъ разсказа часто превосходятъ даже Лафонтена. Такова, напримѣръ, басня «Муха и Дорожные», гдѣ такъ прекрасенъ колоритъ русской жизни и природы:

«Гуторя слуги вздоръ, плетутся вслѣдъ шажкомъ,
«Учитель съ барыней шушукаютъ тишкомъ,
«Самъ баринъ, позабывъ, какъ онъ къ порядку нуженъ,
«Ушолъ съ служанкой въ боръ искать грибовъ на ужинъ».

* * *

Литературные вечера не были однако особенно веселы, особенно для человѣка съ умомъ и вкусомъ Крылова. Только дружескія связи заставляли его являться, а ужины выкупали нѣсколько обязанность скучать. Ужина многіе, какъ и онъ, ждали съ нетерпѣніемъ, и жаловаться въ этомъ отношеніи обыкновенно

никто не могъ. Крыловъ говорилъ, что перестанетъ ужинать лишь въ тотъ день, когда перестанетъ и обѣдать. Ему старались угодить русскими тяжелыми блюдами, и утомить его количествомъ ихъ было невозможно. Врагъ иноземцевъ, онъ не былъ врагомъ иноземныхъ устрицъ, истребляя ихъ заразъ хотя не болѣе 100 штукъ, но и не менѣе 80.

Раннею весною любимѣйшимъ мѣстомъ гулянья всего Петербурга были, какъ и теперь, Невскій проспектъ да еще Адмиралтейскій бульваръ. Но и Биржа становилась тогда клубомъ цѣлаго города; открытіе навигаціи и прибытіе перваго иностраннаго корабля составляли эпоху въ жизни петербуржца. Въ лавкахъ, за накрытыми столиками, прельщались гастрономическими устрицами, привезенными извѣстнымъ въ то время голландскимъ рыбакомъ на маленькомъ ботикѣ, въ сообществѣ одного юнги и большой собаки. Тутъ-же коренастый голландецъ, въ чистомъ фартукѣ, быстро вскрывалъ ихъ обломкомъ ножа. Крыловъ отдавалъ честь устрицамъ, какъ гастрономъ, и въ то-же время оставался наблюдателемъ. Изъ маленькихъ окошечекъ трехъ-мачтоваго корабля выглядывали хорошенькія розовыя личики—нѣмокъ, швейцарокъ, англичанокъ, француженокъ, пріѣхавшихъ на должности въ барскіе дома. Тутъ-же выгружались англійскіе буцефалы, и ихъ окружали знатоки. Набережная и лавки превращались въ импровизированныя рощи померанцевыхъ и лимонныхъ деревьевъ, пальмъ, фигъ, вишень въ цвѣту и т. д. Были тутъ и птицы заморскія, и другія рѣдкости. На Невѣ по воскреснымъ днямъ бывали еще кулачные бои. Крыловъ любилъ развлеченія и зрѣлища всякаго рода. Послѣ обѣда, подъ вечеръ, гулялъ онъ въ Лѣтнемъ саду, слушая музыку. Еще въ Екатерининское время давались здѣсь празднества для народа, и гуляющихъ привлекала роговая музыка придворныхъ егерей въ великолѣпныхъ мундирахъ, тогда зеленыхъ, а теперь красныхъ съ золотымъ позументомъ, и въ трехугольныхъ черныхъ шляпахъ съ бѣлыми плюмажами. Въ увеселительныхъ садахъ Крыловъ охотно смотрѣлъ пантомимы, потѣшные огни и представленія «мастеровъ физическихъ искусствъ», и т. п. Одна только часть Петербурга была еще въ запустѣніи—невскіе острова,

оставшіеся необитаемыми. Сообщенія между ними, т. е. мостовъ, не было. «Густая зелень сихъ острововъ меня восхищала», говоритъ современникъ: «зелень береговъ отражалась въ зеркалѣ Невы. Само глубокое молчаніе, которое царило вокругъ и было прерываемо только шумомъ веселъ, имѣло что-то величественное. Изрѣдка попадались ялики, нагруженные купеческой семьей и самоваромъ». Нева еще не успѣла одѣться въ свой гранитъ, но и это совершилось на глазахъ «дѣдушки» Крылова, въ его долгій вѣкъ.

* * *

Князь Шаховской своимъ происхожденіемъ съ одной стороны, службой и любовью къ сценѣ съ другой—связываетъ два міра: вельможъ и знатныхъ лицъ съ кругомъ литераторовъ. Но и литературные друзья его часто занимаютъ видное положеніе: Оленинъ, Державинъ, Шишковъ и др.—все люди съ высокимъ положеніемъ и связями. На литературныхъ вечерахъ, происходившихъ поочереди у нихъ, а также у сенатора Захарова, общество бываетъ такое, что вечеръ часто больше походитъ на раутъ у дипломата. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь толкуютъ о войнѣ,—иногда присутствуетъ самъ главнокомандующій Каменскій, тоже любитель литературы,—или о мѣрахъ внутренней политики. Споры о Наполеонѣ и Европѣ кончаются иногда заявленіемъ Шишкова, что императоръ знаетъ во всякомъ случаѣ, что дѣлать. Либеральными мѣрами Александра и его дружбой съ Наполеономъ послѣ Тильзитскаго мира здѣсь недовольны, тѣмъ болѣе, что это сближеніе отражается опять-таки въ заимствованіяхъ, которыхъ эти люди такъ не любятъ. Это настроеніе неудовольствія противъ перемѣнъ отразилось въ басняхъ Крылова: «Огородникъ и Философъ», «Парнасъ», «Синица», «Воспитаніе Льва» и другихъ. Литературные вечера были прелюдіей знаменитаго концерта «Бесѣды любителей русскаго слова», общества, болѣе извѣстнаго подъ названіемъ просто «Бесѣды». Раньше чѣмъ сложилось общество, выразителемъ мнѣній этого кружка служилъ «Драматическій Вѣстникъ».

Издателемъ его былъ князь Шаховской, но главной поддержкой—Крыловъ. Подписчиковъ было не много, но, благода-

ря баснямъ, которыя помѣщалъ здѣсь Иванъ Андреичъ, номера его переходили изъ рукъ въ руки и попадали иногда въ самые далекіе углы провинціи. Органъ этотъ боролся съ новымъ направленіемъ въ литературѣ и на сценѣ— со школой Карамзина, съ европеизмомъ. Изъ всего кружка шишковцевъ и оленистовъ, одинъ Державинъ понималъ достоинства Карамзина. Крыловъ несомнѣнно чувствовалъ крайности узкаго патріотизма Шишкова въ языкѣ и слогѣ и говорилъ о его «руководствѣ», что читать его должно, но руководиться имъ не слѣдуетъ; однако патріархальность его натуры, воспитаніе, котораго корни были въ почвѣ прошлаго вѣка, пробѣлы въ его образованіи и полное незнакомство съ Европой, дѣлали его врагомъ всего иноземнаго, при всей его гуманности и любви къ просвѣщенію. Пріятельскія связи съ Оленинымъ и его друзьями утвердили въ немъ взгляды и убѣжденія, выразителемъ которыхъ онъ остался навсегда. Отъ всѣхъ другихъ членовъ дружескаго кружка отличался онъ однако трезвымъ умомъ и талантомъ. То и другое спасло его отъ нетерпимости къ чужому мнѣнію; Никогда не воздвигалъ онъ гоненія на что бы то ни было новое, свѣжее. Онъ подмѣчалъ лишь смѣшную, комичную сторону явленія и подсмѣивался надъ этимъ въ басняхъ. Правда, и это было несвоевременно, когда новое, свѣжее и безъ того съ трудомъ пробивало себѣ путь, но, благодаря иносказательной формѣ, Крыловъ оставилъ много цѣннаго даже въ тѣхъ басняхъ, за которыя—одни обвиняли его, а другіе неудачно защищали. Все оправданіе Крылова въ томъ, что, благодаря художественному таланту, басни эти хороши, а понимать ихъ и толковать мы можемъ теперь помимо той морали, какая навязывалась имъ тогда, хотя бы даже самимъ авторомъ. Геніальный баснописецъ и сатирикъ, онъ не могъ быть и не былъ общественнымъ писателемъ уже потому, что не стоялъ по развитію впереди своего вѣка, а также потому, что обладалъ мудростью, трезвымъ умомъ и талантомъ сатирика, но не настроеніемъ и чувствомъ. Когда написалъ онъ комедію «Урокъ Дочкамъ» и «Модную Лавку», его хвалили за «совершенное отсутствіе самого автора» въ пьесѣ. Конечно, присутствія автора не должно быть замѣтно, но пульсъ его долженъ слышаться въ пьесѣ, чего Крыловъ никогда не проявлялъ.

Его отношеніе къ брату и къ семьѣ Оленина показываетъ однако, что онъ былъ великодушенъ, добръ и привязчивъ. Его всѣ любили. «Онъ желалъ всѣмъ счастья и добра, но въ немъ не было горячихъ порывовъ доставить ихъ своему ближнему» — такъ говорятъ о немъ тѣ, кто понималъ его хорошо, кто зналъ его мысли, благородныя побужденія и поступки. Въ немъ было равновѣсіе ума и сердца. Однако трезвый умъ преобладалъ, благодаря можетъ-быть физическимъ качествамъ, и онъ жилъ по разсчету разсудка: «физическая-ли тяжесть, крѣпость-ли нервовъ, любовь къ покою, лѣнь или безпечность, только Крылова не такъ легко было подвинуть на одолженіе или на помощь ближнему». «Крыловъ всячески отклонялся отъ соучастія въ судьбѣ того или другого лица». Этотъ разсчетъ холоднаго, трезваго ума внесъ онъ и въ свои басни.

Его покоя не смущалъ крѣпостной гнетъ, не смотря на его гуманность. Въ баснѣ «Листы и Корни» онъ выразилъ трезвое убѣжденіе лишь въ важномъ значеніи производящаго класса, въ баснѣ «Колосъ» онъ какъ бы отвѣчаетъ тѣмъ, кто находитъ это недостаточнымъ, и дополняетъ значеніе басни «Листы и Корни» тою мыслью, что всякое состояніе имѣетъ свои права и требованія. Всѣ недостатки Крылова, какъ представителя патріархальнаго прошлаго, значительно выкупаются его терпимостью. Подъ сѣнью этого дуба расцвѣтало новое поколѣніе, и знаменитыя слова Грибоѣдова—

„А судьи кто?.. За древностію лѣтъ,
Къ свободной жизни ихъ вражда непримирима“

не коснулись стараго уже тогда Крылова. Напротивъ, онъ былъ однимъ изъ первыхъ, сочувственно внимавшихъ молодому поэту, когда послѣдній читалъ свою, еще не напечатанную, комедію въ небольшомъ кругу избранныхъ.

Не даромъ такъ часто тонкая улыбка являлась на губахъ Крылова въ архаическихъ бесѣдахъ членовъ «Бесѣды». Крыловъ не былъ впереди своего времени и не понималъ многихъ новыхъ явленій, что отразилось въ нѣкоторыхъ его басняхъ, но это не мѣшало ему будить своимъ смѣхомъ спящее царство...

ГЛАВА V.

1812—1825 г.

Бесѣда любителей русской словесности.—«Демьянова уха».—«Огородникъ и Философъ».—«Гуси».—Оселъ и Соловей».—«Квартетъ».—Архаизмъ «Бесѣды».—Публичная библіотека.—«Щука и Котъ».—Пенсія.—Д. С. Хвостовъ.—Эпиграмма на Шишкова.—Эпиграмма на критику Руслана.—«Водолазы».—Батюшковъ. — Вандалы. — Попытки освобожденія отъ французскаго вліянія.—Путаница идей.—Вольтеръ.—«Сочинитель и Разбойникъ».— Елизавета Марковна. — «Свое кресло». — Пожалованіе перстня.—Критика басенъ Крылова.—«Любопытный».—Басня Анютѣ.—Извѣщеніе при изданіи басенъ 1819 года.—Перерывъ дѣятельности Крылова до 1825 г. — Греческій языкъ.—Переводъ изъ Одиссеи. — Эзопъ.—Отвѣтъ Крылова.— Воробей въ гостяхъ у Крылова.—Купанье. — Гнѣдичъ.— Безпечность Крылова.— Левъ Андреичъ Крыловъ.— Переписка.— Въ кабинетѣ у Жуковскаго. — Рукопись въ Публичной библіотекѣ.

Въ 1811 году начались засѣданія «Бесѣды любителей русскаго слова» въ домѣ Державина, на Фонтанкѣ—въ огромномъ домѣ съ колоннами, въ два свѣта. Литературные вечера у Державина, Шишкова, Оленина, Шаховского и др. были подготовкой къ образованію «Бесѣды». Самымъ талантливымъ изъ всѣхъ членовъ «Бесѣды» былъ конечно Державинъ, но *былъ* уже давно. Даже тотъ, кто еще недавно смотрѣлъ на него съ благоговѣніемъ, не могъ уже безъ смущенія слушать стиховъ старика, въ присутствіи автора. Скучны были эти собранія невообразимо. Уже и прежде на литературныхъ вечерахъ, несмотря на ихъ многолюдность и разнообразіе публики, многіе старались ускользнуть тайкомъ отъ невозможно-длинныхъ чтеній. Два года спустя, Крыловъ въ собраніи «Бесѣды» прочелъ свою

«Демьянову Уху». Невтерпежъ стало умному Крылову, да и зналъ онъ, что здѣсь, въ этомъ собраніи, гдѣ напыщенные члены всѣ были столь высокаго о себѣ мнѣнія, не представлялось опасности кого нибудь обидѣть. А если гдѣ ужъ очень смѣшно,

„Тамъ Петръ киваетъ на Ивана,
Иванъ киваетъ на Петра".

Дѣло было такъ. Крыловъ пріѣхалъ въ собраніе поздно. Читали очень длинную пьесу; онъ усѣлся въ свое кресло. «Иванъ Андреичъ, что—привезли?» спросилъ у него черезъ столъ Хвостовъ.—«Привезъ».—«Пожалуйте мнѣ».—«А вотъ ужо послѣ». Крыловъ не торопится. Наконецъ пьеса кончена. Иванъ Андреевичъ вытаскиваетъ изъ кармана своего широкаго сюртука помятый листокъ, и знаменитая «Уха» на столѣ.

Въ первомъ собраніи «Бесѣды», 14 марта 1811 года, прочелъ онъ басню «Огородникъ и Философъ». Это была одна изъ тѣхъ несвоевременныхъ басенъ, въ которыхъ выразилась натура Крылова, его непріязнь къ европейскимъ заимствованіямъ. Конечно, въ этой баснѣ онъ осмѣиваетъ «недоученаго» философа, но попытки къ нововведеніямъ были еще такъ рѣдки, были такимъ нѣжнымъ раннимъ цвѣткомъ, что его слѣдовало охранять, обходиться съ нимъ бережно. Осмѣиванье было тѣмъ болѣе опасно, что глупцы и невѣжды понимали по своему подобныя басни и глумились надъ всякимъ стремленіемъ къ новому, свѣжему, ко всякой перемѣнѣ въ старинѣ, въ затхломъ быту крѣпостного права. Басня эта, какъ и другія въ подобномъ родѣ, получаютъ, впрочемъ, болѣе правильное значеніе по отношенію къ нѣкоторымъ современнымъ имъ явленіямъ.

Съ другой стороны, на Крылова опирались авторы книжекъ вродѣ: «Плугъ и соха» съ эпиграфомъ: «Отцы наши не глупѣе насъ были» и т. п., совсѣмъ не въ духѣ какого бы то ни было просвѣщенія.—Тамъ-же прочитана была Крыловымъ басня «Оселъ и Соловей», въ которой подъ соловьемъ, говорятъ, разумѣлъ онъ себя. Думали, что критика осла есть мнѣніе князя Вяземскаго, который считалъ И. М. Дмитріева выше Крылова. Это—возможно. Князь, въ самомъ дѣлѣ, долго и упорно не хотѣлъ понять величія нашего баснописца, оставаясь вѣрнымъ поэту,

который «ввелъ въ наши салоны легкую французскую поэзію». Есть анекдотъ также объ одномъ вельможѣ (гр. Разумовскомъ или князѣ А. Н. Голицынѣ), пригласившемъ Крылова къ себѣ—прочесть двѣ-три басни. Въ числѣ послѣднихъ, мастерски прочтенныхъ Крыловымъ, была одна изъ Лафонтена.—«Это хорошо; но почему вы не переводите такъ, какъ Дмитріевъ?» благосклонно спросилъ будто-бы глубокомысленный вельможа. Крыловъ отвѣчалъ: «не умѣю», и написалъ свою басню. Это похоже на нашего хитраго дѣдушку. Но та-же басня могла относиться и къ другому случаю.

Кого думалъ задѣть Крыловъ въ своемъ затѣйливомъ квартетѣ: четырехъ-ли вельможъ, которыхъ не знали, какъ разсадить въ четырехъ отдѣлахъ государственнаго совѣта, или четыре отдѣленія «Бесѣды», основанной съ хитроумными затѣями, па манеръ казеннаго учрежденія—съ 4 разрядами, въ которыхъ не было нужды, и 4 «попечителями»? Если послушать разноголосицу членовъ «Бесѣды»—очень похожъ на нихъ квартетъ. Въ засѣданіяхъ ея читались стихи па случай избранія въ адмиралы кого-нибудь изъ друзей Шишкова или въ министры—другого пріятеля, читались съ пафосомъ трагедіи и съ умиленіемъ стихи къ «Трубочкѣ» или къ «Щеночкѣ», причемъ спорили, можно-ли въ легкомъ стихѣ къ птичкѣ сказать «драгая» вмѣсто «дорогая» и «крыло» вмѣсто «крылья». Рѣшали такъ. что можно простить автору слово «драгая», но никакъ нельзя сказать «крыло», потому что однимъ крыломъ птица па воздухѣ держаться не можетъ. Иванъ Андреичъ насмѣшливо улыбался во время этихъ споровъ, или дремалъ. Стихи:

„Деревня милая, отчизна дорогая,
Когда я возвращусь подъ кровъ счастливый твой?“

вызывали замѣчаніе, что *милый* можно сказать только о женщинѣ, о другѣ, а „*кровомъ*“ нельзя назвать деревню, потому что она состоитъ изъ многихъ крововъ, и т. п.

7-го января 1812 года Иванъ Андреевичъ былъ опредѣленъ помощникомъ библіотекаря въ учрежденную тогда Императорскую Публичную Библіотеку. Директоромъ ея назначенъ былъ А. Н. Оленинъ, другъ и покровитель Крылова; подъ его-же на-

чальствомъ служилъ И. А. уже нѣсколько лѣтъ при Монетномъ дворѣ. Служба въ библіотекѣ вполнѣ подходила къ характеру Крылова—лѣнивому и безпечному. Тароватый на выдумки, онъ завелъ здѣсь особые футляры для летучихъ изданій, но дѣлалъ самъ немного. Благодаря трудолюбію и знанію библіотекаря Сопикова, ему и нечего было дѣлать. Четыре года спустя Сопиковъ вышелъ въ отставку, и Крыловъ занялъ его квартиру, въ среднемъ этажѣ зданія библіотеки, на углу къ Невскому проспекту; здѣсь прожилъ онъ почти тридцать лѣтъ до своей отставки. Занявъ мѣсто Сопикова, онъ получилъ въ помощники барона Дельвига, не менѣе лѣниваго и безпечнаго поэта. Прошли-было красные дни для Крылова. Но Дельвига смѣнилъ потомъ другой. Крыловъ впрочемъ не особенно мучилъ свою совѣсть упреками. Двадцать пять лѣтъ спустя онъ сказалъ своему помощнику: «А я, мой милый, лѣнивъ ужасно... Да что, мой милый, говорить! И французы знаютъ, что я лѣнивъ». Онъ показалъ ему отношеніе Оленина отъ 1812 года съ предложеніемъ составлять особыя критическія замѣчанія для каталоговъ. «Каковъ же я молодецъ», говорилъ онъ. «Да и Алексѣй Николаевичъ не принуждалъ меня... Другое дѣло, если бы потребовалъ... А то ну... вы постараетесь за меня, мой милый»... Въ томъ-же году назначена ему была сверхъ жалованья пенсія изъ Кабинета Государя въ 1,500 р. Къ этому времени относится цѣлый рядъ его басенъ, вызванныхъ отечественной войной и непріязнью къ Франціи.

Поводомъ къ баснѣ «Щука и Котъ» была неудача адмирала Чичагова, возбудившая въ публикѣ сильное негодованіе. Въ современной каррикатурѣ Кутузовъ скачетъ на конѣ и тянетъ одинъ конецъ сѣти, въ которую долженъ попасть Наполеонъ, а на другомъ ея концѣ—Чичаговъ, сидящій на якорѣ, восклицаетъ: «Je le sauve!» и Наполеонъ въ видѣ зайца проскальзываетъ за его спиной. Въ другой каррикатурѣ, говорятъ, дѣло было изображено такъ: Кутузовъ съ усиліемъ затягиваетъ мѣшокъ, а Чичаговъ съ другого конца перочиннымъ ножомъ разрѣзываетъ этотъ мѣшокъ и выпускаетъ изъ него маленькихъ французскихъ солдатъ.

Всегда тяжелый на подъемъ, Крыловъ остается однако не ме-

нѣе забавнымъ и шутливымъ. На торжественномъ молебнѣ въ Казанскомъ соборѣ, по случаю отъѣзда Государя къ театру войны, Крыловъ встрѣтилъ графа Д. Хвостова. «Ну что, графъ», спросилъ онъ его: «не напишете-ли оды? Вы конечно пришли сюда за вдохновеніемъ?» Графъ обидѣлся.—«Почему же я именно долженъ писать?» спросилъ онъ: «вы также пишете стихи и, *какъ говорятъ*, очень хорошіе». «Мои стихи», отвѣчалъ Крыловъ: «ничтожныя басни, а вы парите высоко, вы лирикъ!» Крыловъ никогда не переставалъ осмѣивать высокопарныя оды, а въ отвѣтъ на обвиненіе въ томъ, что онъ одинъ не славитъ Александра, написалъ свою басню «Чижъ и и Ежъ», которая такъ оригинально выдѣлялась въ ряду напыщенныхъ стиховъ своею простотой и пережила всѣ шумныя выраженія восторговъ.

Ему приписываютъ эпиграмму на Шишкова, который во время войны назначенъ былъ государственнымъ секретаремъ, ради его патріотическаго духа и стиля. Государь пожаловалъ ему на дорогу придворную карету. На прощальномъ обѣдѣ у А. С. Хвостова хозяину подали пакетъ,—въ немъ находились слѣдующіе стихи:

„Шишковъ, оставя днесь Бесѣды свѣтлыи домъ,
Ты ѣдешь въ дальній путь въ каретѣ подъ орломъ.
Нашъ добрый царь, тебѣ вручая важно дѣло,
Старается твое беречь, покоить тѣло;
Лишь это надобно, о тѣлѣ только рѣчь,
Непоколебимый духъ умѣешь самъ беречь".

Иванъ Крыловъ.

Хозяинъ сказалъ: «не диво то, что нашъ Крыловъ умно сказалъ, а диво, что онъ самъ стихи переписалъ». Крыловъ всячески открещивался отъ литературнаго «подкидыша», какъ онъ самъ называлъ эти стихи, но они остались за нимъ. Крыловъ не любилъ ссориться и умѣлъ ладить со всѣми. Не смотря на дружескія связи съ членами «Бесѣды», онъ сразу не менѣе дружески и съ честью принятъ былъ въ кругъ молодыхъ писателей, собравшихся въ это время въ Петербургѣ. Сюда перебрались изъ Москвы Жуковскій и Карамзинъ и соединились съ

Батюшковымъ, Гнѣдичемъ, Блудовымъ и др. Когда критика встрѣтила бранью «Руслана и Людмилу» юнаго Пушкина, Крыловъ написалъ эпиграмму:

„Напрасно говорятъ, что критика легка:
Я критику читалъ Руслана и Людмилы—
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно какъ тяжка".

* * *

И молодежь причислила его къ своимъ. Онъ не былъ конечно членомъ дружескаго «Арзамаса»: это не подходило ни къ его связямъ съ кругомъ Оленина, ни къ его возрасту, хотя по затѣйливости и остроумію могъ бы онъ играть тамъ значительную роль.

Въ годовщину празднованія открытія Публичной Библіотеки прочелъ онъ басню «Водолазы», ради этого случая написанную на дачѣ у Оленина. Послѣдній писалъ объ этой баснѣ: «Иванъ Андреичъ знаетъ, съ какимъ удовольствіемъ прекрасный его трудъ былъ уже принятъ *въ кругу его пріятелей и знакомыхъ...*» Эта басня рѣшаетъ вопросъ «о пользѣ истиннаго просвѣщенія и пагубныхъ слѣдствіяхъ суемудрія».

Говорятъ, Тургеневъ на горячія хвалы таланту Крылова сказалъ смѣясь: «Увидимъ, что скажетъ потомство». Послѣднее слишкомъ много говорило о баснѣ «Водолазы», путаясь въ неудачной защитѣ ея. Одинъ Стоюнинъ прямо и просто, не мудрствуя лукаво, опредѣлилъ ея значеніе. «Здѣсь высказывается странный взглядъ на науку», замѣчаетъ Стоюнинъ, «въ которой баснописецъ хочетъ видѣть какую-то гибельную глубину, забывая, что наука развиваетъ только истину, а она несетъ лишь добро и свѣтъ людямъ».

Но во времена Крылова «кидали въ одинъ мѣшокъ Наполеона и Монтескье, французскую армію и французскія книги». Французское вліяніе было однако такъ сильно, что ему покорялись сами враги. Батюшковъ, бывшій подъ стѣнами Парижа и потомъ въ самомъ Парижѣ съ побѣдоносною русской арміей, клеймитъ французовъ именемъ вандаловъ, но, по-

живъ въ Парижѣ, съ восторгомъ пишетъ объ Академіи и даже о народѣ: «Послѣ посѣщенія Лувра», говоритъ онъ, «какъ отъ бесѣды мудраго мужа и милой, умной женщины лучшимъ возвращаешься». Конечно, это не похоже на впечатлѣнія тѣхъ, что возвращались изъ-за границы, «изрывъ весь задній дворъ» и не увидавъ ничего хорошаго. На томъ-же праздникѣ, въ день открытія Библіотеки, читалъ рѣчь Гнѣдичъ и тоже громилъ французскій языкъ — «языкъ враговъ нашихъ, который русскіе должны забыть», говорилъ онъ. «Ah, que c'est beau» («прекрасно»), замѣтилъ кто-то изъ публики сосѣду, а этотъ отвѣчалъ: «Oui, mais ce n'est pas possible» (да, прекрасно, но это невозможно). У самого Гнѣдича въ этомъ яростномъ гнѣвѣ противъ языка сказалась лишь одна его театральность. «Путаница идей не знала предѣловъ». Неумѣренное поклоненіе смѣнилось столь-же неумѣренной враждой. Въ ослѣпленіи гнѣвомъ просвѣщенные люди разбивали драгоцѣнный сосудъ, который едва успѣли пріобрѣсти. Письмо Батюшкова къ Гнѣдичу говоритъ ясно объ этой путаницѣ понятій: «Ужасные поступки *вандаловъ* въ Москвѣ разстроили мою маленькую философію и поссорили меня съ человѣчествомъ». Но Крылова, собственно, путаница эта не коснулась. Напротивъ, сила убѣжденія и цѣльность натуры сказались въ самыхъ его ошибкахъ. Если и онъ смѣшивалъ армію, революцію и философовъ, то это было слѣдствіемъ отчасти пробѣловъ въ его образованіи и развитіи, отчасти-же патріархальности его натуры. Впрочемъ сами французы, въ особенности эмигранты, приписывали революцію Вольтеру. Многіе изъ нихъ говорили: «это все негодяи-философы надѣлали». Удивительно-ли, что въ прибавленіяхъ къ «Русскому Инвалиду» появлялись такого рода афиши:

„Хвала Богу!
Побѣда.
Да здравствуетъ императоръ!
Пламенникъ революціи угасаетъ“.

Такимъ образомъ связывали гибель Наполеона, бывшаго

въ то время законнымъ императоромъ французовъ, съ гибелью давно уже забытой революціи.

Академикъ Гротъ и многіе другіе старались оправдать Крылова въ томъ, что онъ написалъ въ 1817 году басню «Сочинитель и Разбойникъ», въ которой «посадилъ въ адъ Вольтера». Но лучше всѣхъ опредѣлилъ значеніе этой басни Гоголь, отрицая отношеніе ея къ Вольтеру. «Въ ней Крыловъ укоряетъ писателя, избравшаго развратное и злое направленіе», говоритъ онъ:—въ этомъ смыслѣ, конечно, басня не можетъ относиться къ философу и ученому, а только къ писателю, торгующему своимъ талантомъ и умомъ; къ тому, кто ради своекорыстнаго разсчета сѣетъ въ обществѣ вражду и взаимную неприязнь, къ тѣмъ «разбойникамъ пера», кого бичевалъ покойный нашъ сатирикъ, тоже воспитанный на басняхъ Крылова. Въ ушахъ этихъ людей вѣчно пусть раздаются слова:

„Смотри на злыя всѣ дѣла
И на несчастія, которыхъ ты виною".

Крылова упрекали за строгій судъ надъ собратомъ-писателемъ. Скорѣе здѣсь, въ этой баснѣ, сказались тѣ-же добродушіе и терпимость Крылова. Онъ предоставляетъ наказаніе высшему суду, что́ не зависитъ отъ мнѣнія и воли человѣка. Этотъ судъ не страшенъ тому, кто чистъ душою, тогда какъ нашъ судъ и наказаніе не всегда справедливы, въ особенности тамъ, гдѣ не сходятся въ убѣжденіяхъ.

* * *

Живя въ своей квартирѣ, въ Публичной Библіотекѣ, Крыловъ мало-по-малу совершенно облѣнился. Большею частью проводилъ онъ время на диванѣ, оставляя его лишь для выѣздовъ на обѣды къ Оленину, графу Строганову, или въ англійскій клубъ. Въ клубѣ послѣ обѣда онъ игралъ въ карты, или смотрѣлъ игру на билліардѣ и держалъ пари за игроковъ. Поздно ночью возвращался въ свою холостую квартиру, и только съ лѣтами сталъ ложиться въ постель все раньше и раньше. Въ домѣ Олениныхъ добрѣйшая изъ женщинъ, Елизавета Марковна,

кормила на убой своего «Крылочку», а послѣ обѣда онъ засыпалъ въ своемъ креслѣ. «Свое кресло» было у него, кажется, вездѣ, гдѣ онъ только бывалъ. Такъ спокойно ему жилось. Если что причиняло еще ему иногда безпокойство, такъ это—его слава, требуя отъ него иногда писемъ или визитовъ въ отвѣтъ на хвалы и просьбы. Послѣ выхода въ свѣтъ изданія басенъ 1816 года, посыпались на его голову почести, хвалы и награды... Отъ императрицы Елизаветы Алексѣевны получилъ онъ бриліантовый перстень; различныя ученыя и воспитательныя учрежденія присылали ему дипломы и выбирали почетнымъ членомъ. Вельможи приглашали на маскарады и обѣды.

Критика давно признала его заслуги. Первый оцѣнилъ его Жуковскій еще въ 1809 году. Десять лѣтъ спустя, по поводу изданія басенъ, въ которомъ было много опечатокъ, рецензентъ «Сына Отечества» писалъ уже, что «недостатокъ этотъ очень непріятенъ въ книгѣ, *которая должна быть и будетъ классическою*». Его уже не только называли «русскимъ Лафонтеномъ», но признавали въ немъ оригинальныя достоинства, ставящія его въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выше всѣхъ другихъ славныхъ баснописцевъ: качества эти—трезвая мудрость и тонкое остроуміе, живая связь лукавой иронiи и серьезной мысли, мастерство разсказа, простота и наконецъ та печать народности, которая даетъ намъ право называть его нашимъ, русскимъ поэтомъ.

Слава не ослѣпляла Крылова. Онъ оставался по прежнему простъ и добродушенъ. Умѣлъ онъ однако и добродушно отомстить, если случалось кому задѣть его самолюбіе. Такъ, появились стихи, въ которыхъ говорилось, что три знаменитыхъ баснописца всѣ были Иваны. Подъ этими тремя поэтъ разумѣлъ Лафонтена, Хемницера и Дмитріева. Какъ ни скроменъ былъ Крыловъ, онъ не могъ не сознавать, насколько выше его басни, которыя тогда уже называли «неувядаемыми цвѣтами поэзіи», и написалъ басню «Любопытный». Басня была его орудіемъ, которымъ онъ и мстилъ, и награждалъ. Иногда дарилъ онъ ихъ дѣтямъ. Такъ, басню «Ягненокъ» написалъ онъ для Анюты, младшей дочери Оленина; другую басню онъ подарилъ племяннику Оленина. Наконецъ,

баснею «Василекъ» неуклюжій, увѣсистый Крыловъ съ изысканной граціей выразилъ, какъ увидимъ, благодарность самой императрицѣ.

Излѣнился-ли въ самомъ дѣлѣ Крыловъ на столько, что думалъ перестать писать, или, что вѣроятнѣе, хитрый и осторожный мудрецъ хотѣлъ избавиться отъ назойливыхъ льстецовъ, отъ приглашеній читать на вечерахъ, только къ изданію басенъ въ 1819 году онъ прибавилъ извѣщеніе, что этимъ изданіемъ хочетъ заключить свою дѣятельность. Только въ 1825 году сталъ появляться снова рядъ его басенъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» барона Дельвига, и эти «цвѣты» оказались тогда въ самомъ дѣлѣ «неувядаемыми». Казалось, И. А. погрузился совершенно въ бездѣйствіе; но насколько оно было лишь видимое, доказываетъ то, что въ это именно время изучалъ онъ греческій языкъ — самостоятельно, безъ посторонней помощи. Не останавливаясь даже предъ трудностью въ его лѣта читать стереотипныя изданія, онъ надѣвалъ для этого очки. Сохраняя тайну—подъ предлогомъ безпорядка въ комнатѣ—онъ не пускалъ къ себѣ даже сосѣда и ближайшаго пріятеля, Гнѣдича, который впрочемъ изъ-за двери хвалилъ пробудившуюся совѣсть И. А. относительно опрятности. Весь эпизодъ прекрасно переданъ Плетневымъ. Гнѣдичъ, страстный классикъ, готовъ былъ думать, что найдетъ себѣ въ Крыловѣ помощника по переводу Гомера, и уговорилъ И. А. заняться этимъ. Крыловъ перевелъ отрывокъ Одиссеи, но скоро сознался, что гекзаметръ ему не дается. Зато часто находили его съ Эзопомъ въ рукахъ, и на вопросъ любопытнаго, что дѣлаетъ И. А., онъ отвѣчалъ: «учусь». Послѣ того появляются въ его басняхъ темы, взятыя у этого учителя, который, впрочемъ, самъ не отказался бы поучиться у нашего Крылова. Прошли года; Крыловъ забылъ грековъ и самого Эзопа. Одинъ отрывокъ Электры уцѣлѣлъ отъ разрушительной руки времени. Этотъ отрывокъ сохранилъ Лобановъ.

Крыловъ достигъ цѣли всѣхъ своихъ завѣтныхъ стремленій. Покой увѣнчалъ его труды и слава увѣнчала его покой:

„За вѣтрами со всѣхъ сторонъ
Не движась, я смотрю на суету мірскую
И философствую сквозь сонъ“. (*Прудъ и Рѣка*).

Казалось бы, и дарованіе Крылова должно было заглохнуть, какъ онъ самъ предсказалъ это тому, кѣмъ «овладѣетъ лѣнь». Однако еще многіе годы его талантъ не ослабѣвалъ. Въ самой глубокой старости онъ еще даритъ свѣтъ своими баснями. Погружаясь все болѣе въ видимую безпечность, Крыловъ продолжалъ наблюдать, думать и все также тщательно работать надъ отдѣлкой басни. Въ этомъ разгадка неисчерпаемой свѣжести его таланта. Чѣмъ больше уходилъ Крыловъ отъ внѣшняго міра, тѣмъ богаче, разнообразнѣе и глубже становился его собственный, имъ созданный міръ. Въ тишинѣ кабинета или гостиной наполнялась его жизнь живымъ дѣйствіемъ воображенія. Тогда оживали бездушные предметы, получая даръ слова такъ-же какъ птицы и звѣри; инстинкты, пороки и добродѣтели воспринимали плоть и кровь; новый міръ возникалъ предъ баснописцемъ и укладывался по волѣ его на лоскуткахъ бумаги.

Пернатыя особенно платили И. А. взаимностью за его любовь къ этому міру. «Сидя на диванѣ противъ открытаго окна, онъ забавлялся наблюденіемъ смышлености движеній и пріемовъ воробья. Воробей, готовый уже, растопыривъ крылья, вспорхнуть на окно, гдѣ насыпанъ былъ кормъ, и довѣриться ласковому хозяину, пріостановился при моемъ приходѣ», разсказываетъ посѣтитель. «Посмотрите», сказалъ Иванъ Андреевичъ, «какъ онъ остороженъ! Это старый мой пріятель; онъ прилетаетъ ко мнѣ пообѣдать, но всегда съ крайней осмотрительностью, а теперь ужъ его не скоро заманишь».

Осторожный и осмотрительный, онъ бывалъ однако очень разсѣянъ въ мелочахъ; иногда клалъ въ карманъ что попадало подъ руку, и случалось, за обѣдомъ въ гостяхъ, вытаскивалъ вмѣсто носового платка то чепчикъ, то чулокъ. Друзья подшучивали надъ нимъ. Хотѣлъ онъ благодарить кого нибудь за присылку сочиненій —ему указывали совсѣмъ другое лицо; тотъ конфузился, Крыловъ извинялся и такъ продѣлывалъ иногда по нѣскольку разъ.

Какъ желудкомъ своимъ, такъ могъ онъ гордиться и здоровьемъ вообще. Живя въ домѣ Рибаса, гдѣ нынѣ дворецъ принца Ольденбургскаго, онъ ходилъ купаться въ каналѣ,

омывающемъ съ этой стороны Лѣтній садъ. Купался весь сентябрь и октябрь; наконецъ въ ноябрѣ, когда вода покрывалась льдомъ, онъ, скачкомъ проламывая ледъ, продолжалъ купаться до сильныхъ морозовъ.

* * *

До 1841 г. не перемѣнилъ Крыловъ ни службы, ни занятій, ни даже квартиры. Не перемѣнилъ онъ и друзей, но только многихъ пережилъ.

Одна и та-же лѣстница, мимо Крылова, вела наверхъ въ квартиру Гнѣдича. Удобство сообщенія, холостая жизнь обоихъ, любовь къ литературѣ и одинаковыя отношенія къ дому Олениныхъ тѣсно связывали поэтовъ, хотя во многомъ велика была разница въ ихъ личности. «Умомъ своимъ всегда сосредоточеннымъ и дальновиднымъ», говоритъ Плетневъ: «сердцемъ опытнымъ и охлажденнымъ, характеромъ безпечнымъ и скрытнымъ, жизнью недѣятельною и неопрятной, пріемами простыми и чуждыми свѣтскости—Крыловъ представлялъ совершенную противуположность Гнѣдичу, который до многаго додумывался медленно и не всегда вѣрно, увлекался добрымъ и довѣрчивымъ чувствомъ, любилъ во всемъ порядокъ и щеголеватость, старался выказать знатока общественныхъ приличій и часто поддавался влеченію самолюбія». «Онъ не заботился ни о чистотѣ, ни о порядкѣ. Прислуга состояла изъ наемной женщины съ дѣвочкой, ея дочерью. Никому въ домѣ и на мысль не приходило сметать пыль съ мебели и другихъ вещей. Изъ трехъ чистыхъ комнатъ, выходившихъ окнами на улицу, средняя составляла залу, боковая, влѣво отъ нея, оставалась безъ употребленія, а послѣдняя—угольная, къ Невскому проспекту, служила обыкновеннымъ мѣстопребываніемъ хозяину. Здѣсь, за перегородкой, стояла кровать его, а въ свѣтлой половинѣ онъ сиживалъ передъ столикомъ на диванѣ. У него не было ни кабинета, ни письменнаго стола. Приходившихъ къ нему онъ дружески просилъ всегда садиться, на что не безъ

затрудненія можно было согласиться опрятно одѣтому гостю. Крыловъ безпрестанно курилъ сигары, съ мундштукомъ, предохраняя глаза отъ жару и дыма. При разговорѣ сигара ежеминутно гасла. Онъ звонилъ. Дѣвочка, проходя изъ кухни черезъ залу, иногда съ пѣсенкой, приносила тоненькую восковую свѣчу безъ подсвѣчника, накапывала воску на столъ и ставила огонь передъ неприхотливымъ своимъ господиномъ. Форточка въ залѣ почти всегда была открыта. Крыловъ, набрасывая зеренъ, привадилъ къ себѣ голубей съ Гостинаго двора, и они привыкли быть у него какъ на улицѣ. Столы, этажерки, вещи, на нихъ стоявшія, и все кругомъ носило на себѣ слѣды пребыванія этихъ ежедневныхъ гостей баснописца. Утромъ онъ вставалъ довольно поздно. Часто пріятели находили его въ постели часу въ десятомъ. Одинъ изъ нихъ, товарищъ его по Академіи, привезъ ему съ вечера въ подарокъ богато переплетенный экземпляръ Фенелонова Телемака. Это было еще въ 1812 году. Ѣдучи по утру къ должности, полюбопытствовалъ онъ спросить у Крылова, понравился-ли ему переводъ, которымъ поэтъ нашъ и хотѣлъ-было, ложась спать, позаняться, но такъ неосторожно держалъ передъ сномъ въ рукахъ книгу, что она сползла съ кровати подъ столикъ. Переводчикъ, заглянувъ за перегородку, гдѣ Крыловъ еще спалъ, и увидѣвъ, куда попала золотообрѣзная книга его, тихонько убрался назадъ, чтобы Крыловъ и не узналъ о его посѣщеніи».

Такъ, за сигарой, съ романомъ, иногда въ разговорахъ съ пріятелями, Крыловъ проводилъ время до того часу, въ которомъ надо было отправляться обѣдать въ англійскій клубъ. Продремавъ тамъ довольно времени послѣ обѣда, иногда заѣзжалъ онъ къ Оленину, иногда возвращался домой.

* * *

«Никогда не замѣчали въ немъ какихъ-либо душевныхъ томленій; онъ всегда былъ спокоенъ». Но взамѣнъ горячихъ порывовъ онъ проявлялъ иногда глубокую привязанность. «Елизавета Марковна», говорилъ онъ Олениной:—«когда наступитъ мой часъ, я „приду“ умереть къ вамъ, сюда, къ вашимъ

ногамъ». Никогда не забывалъ онъ и своего единственнаго брата, съ которымъ видѣлся послѣдній разъ около 1806 г.; больше не суждено имъ было увидѣться до могилы.

Левъ Андреевичъ служилъ въ гвардіи въ Петербургѣ, когда Крыловъ издавалъ журналъ «Зритель». Перейдя потомъ въ армію, онъ тянулъ лямку на югѣ. Иванъ Андреичъ постоянно поддерживалъ его деньгами. Какъ только положеніе его упрочилось службой въ библіотекѣ и пенсіей, онъ сталъ подумывать о томъ, чтобы перевести брата въ Петербургъ. Мечты эти не исполнились, но онъ не переставалъ принимать живое участіе въ судьбѣ брата. Не смотря на небольшую разницу въ лѣтахъ, братъ называетъ Ивана Андреича не иначе какъ «любезный тятенька», «милый батюшка», «братецъ Иванъ Андреичъ». Единственное, въ чемъ братъ его постоянно упрекаетъ, это—что онъ подолгу не отвѣчаетъ на письма. Не можетъ преодолѣть Иванъ Андреичъ своей лѣни; онъ посылаетъ брату деньги, экземпляры изданій, даже списки басенъ и копіи съ докладовъ Оленина Государю о награжденіи его, но писемъ не пишетъ. Также неохотно исполняетъ порученія, требующія какихъ нибудь хлопотъ, хотя очевидно опять-таки изъ лѣни, а не по недостатку доброты. Братъ Левъ пишетъ ему о какой-то Ма́рфушкѣ: «Я право полагалъ, что она давно на волѣ, а она, бѣдная, терпѣла *черезъ твою безпечность*. Однако-жъ теперь я очень радъ и благодарю тебя, что ты за все претерпѣніе ее наградилъ». Изъ этихъ словъ ясно выступаютъ черты характера Крылова—доброта и лѣнь, которыя часто спорятъ въ немъ, какъ вѣтеръ и солнце въ сказкѣ. Лѣнясь писать брату, Иванъ Андреичъ такъ интересуется имъ, что требуетъ описанія мельчайшихъ подробностей его быта. Послѣдній не отказываетъ въ этомъ. Талантъ къ музыкѣ—очевидно родовое достояніе Крыловыхъ, какъ и охота къ чтенію. Братъ Крылова тоже играетъ на скрипкѣ и очень любитъ читать. Кромѣ своихъ басенъ И. А. пользуется всегда случаемъ посылать ему и другія книги. Съ тѣхъ поръ какъ Крыловъ начинаетъ писать басни, братъ становится такимъ-же горячимъ поклонникомъ его таланта, какъ и вся публика. Онъ человѣкъ простой. Нѣсколько разъ былъ онъ въ походахъ за-границей, но кромѣ

подробнаго военнаго маршрута не вывезъ оттуда никакихъ впечатлѣній.

Тѣмъ интереснѣе его отзывъ о басняхъ. Больше всѣхъ, пишетъ онъ, понравилась ему басня «Сочинитель и Разбойникъ». «Въ жизни ничего лучшаго не читывалъ», замѣчаетъ онъ.— «Безпримѣрныя твои басни я пробѣжалъ и могу сказать, что не даромъ ты ими прославился, да и Государь Императоръ удостоилъ ихъ назвать пріятными и полезными... Я никогда не сомнѣвался, чтобы ты не употребилъ свои божественныя дарованія въ пользу общаго блага, и нахожу, что нѣтъ ничего достойнѣе благородной души, какъ совѣтами и самыми легкими доказательствами отвращать отъ порока и привлекать къ добродѣтели». Онъ говоритъ здѣсь, прилично случаю, нѣсколько высокопарно, но смыслъ отвѣчаетъ всеобщему убѣжденію. Такъ думалъ и такое значеніе придавалъ сатирѣ и въ особенности баснѣ самъ И. А., какъ мы видѣли выше. Онъ въ восторгѣ отъ почестей брата, но въ одномъ письмѣ замѣчаетъ: «Только жалѣю очень, любезный тятенька, что твоя муза такая сонливая и лѣнивая». Это относится уже къ 1821 году.

Въ это время Крыловъ получаетъ изъ Кабинета уже добавочную пенсію, а всего до 3,000 руб. ас., кромѣ жалованья. Въ 1820 г. награжденъ онъ орденомъ Владиміра 4 степени. Басни свои печатаетъ онъ то въ «Сынѣ Отечествѣ», то въ изданіи «Бесѣды». Его молодые друзья возмущаются. «Какъ не стыдно бросать въ навозъ», говорятъ они, когда Крыловъ читаетъ свои басни въ собраніяхъ Бесѣды, гдѣ обыкновенно «одинъ читаетъ чепуху, другой говоритъ «изрядно», третій хвастаетъ, четвертый хвалитъ себя и Шишкова». Но Крылову было поздно мѣнять свои привычки и друзей, да это и не мѣшало ни славѣ его, ни расположенію къ нему молодежи. Батюшковъ особенно горячо относился къ И. А. «Выпроси у Крылова басню», пишетъ онъ Гнѣдичу въ одномъ письмѣ; въ другомъ:— «поклонись отъ меня безсмертному Крылову, безсмертному— конечно, такъ!»—«Обними сосѣда (т. е. И. А.), но какъ обнять! Онъ, я думаю, толще всѣхъ поэтовъ вкупѣ и разсудкомъ, и тушею».

Жуковскій былъ также въ числѣ лучшихъ друзей Крылова

и цѣнителей его генія. Ив. Андр. съ удовольствіемъ проводилъ время въ его квартирѣ, на вечерахъ, въ обществѣ Пушкина, Батюшкова, кн. Вяземскаго, Гнѣдича, Уварова, Дашкова, Блудова и другихъ. Здѣсь-же бывали и Сперанскій, графъ С. Румянцевъ, а также Оленинъ и Карамзинъ. Въ группѣ людей на картинѣ, изображающей кабинетъ Жуковскаго въ его квартирѣ, въ Зимнемъ дворцѣ, всѣхъ замѣтнѣе и интереснѣе фигура баснописца, рядомъ съ Пушкинымъ. Разъ, на одномъ изъ этихъ вечеровъ, Ив. Андр. сталъ искать чего-то въ бумагахъ на письменномъ столѣ. «Что вамъ надобно, Иванъ Андреичъ?» спросили его. «Да вотъ какое обстоятельство», отвѣчалъ онъ: «хочется закурить трубку; у себя дома я рву для этого первый попавшійся подъ руку листокъ, а здѣсь нельзя такъ: вѣдь здѣсь за каждый лоскутокъ исписанной бумаги, если разорвешь его, отвѣчай передъ потомствомъ».

Такъ говорилъ скромный баснописецъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ никогда не дорожилъ лоскутками, на которыхъ писалъ свои басни. Послѣ его смерти находили въ корзинахъ и на чердакѣ измятыя и изорванныя черновыя его басенъ, доставившія однако богатый матеріалъ для исторіи его творчества.

Въ Императорской Публичной Библіотекѣ хранятся разрозненные листки, сколотые булавкой, вырванные повидимому изъ тетради. На особомъ листѣ рукою Гнѣдича сдѣлана замѣтка: «Экземпляръ басенъ, сколотый булавкой, который Иванъ Андр. въ такомъ видѣ имѣлъ съ собой, когда читалъ Императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ въ Зимнемъ дворцѣ въ 1813 году, будучи вмѣстѣ со мной». Обыкновенно писалъ онъ на лоскуткахъ и держалъ въ карманѣ помятые листки.

ГЛАВА VI.

Покой и слава.

Переводы басенъ.—Иностранная критика о Крыловѣ.—Брошюра Я. Н. Толстаго.—Болѣзнь.—«Василекъ».—Семья А. Н. Оленина.—«Три поцѣлуя». «Крестьянинъ и змѣя».—Письма брата.—Поѣздка въ Ревель.—Смерть брата.—Горесть И. А. Крылова.—Пособіе на изданіе басенъ въ 1824 г.—«Конь и всадникъ».—Письмо къ дочери Оленина.—«Муха и пчела».—Сборы за границу.—Домашнія затѣи.—Голуби въ гостиной.—Анекдотъ объ извѣстности Крылова.—Находчивость его.—Императоръ Николай даритъ бюстъ Крылова наслѣднику престола.—Шутка «фавориточчки».—Маскарадъ въ Зимнемъ дворцѣ.—«Вельможа».—Юбилей.—Смерть Е. М. Оленина.—Отставка.—Жизнь Крылова на Васильевскомъ Островѣ.—Эпиграмма Воейкова.—Творчество въ баснѣ.—«Бѣдный богачъ».—Значеніе сатиры Крылова.—Рѣчь митрополита Макарія.—Прихожанинъ.—«Сочинитель и Разбойникъ».—«Гребень».—Смерть Крылова.—Памятникъ.—Эпиграфъ въ «Звѣздочкѣ».

Съ 20-хъ годовъ начали появляться иностранные переводы басенъ Крылова. Невнимательный къ своимъ біографамъ, Крыловъ иначе относился къ переводчикамъ, помогая и разъясняя имъ многое самъ. Переводы бывали иногда удачны, хотя чаще представляли неодолимыя затрудненія. Для передачи нѣсколькихъ строкъ Крылова приходилось часто измышлять десятки стиховъ. Простота и оригинальная мѣткость чисто-русскаго ума и языка не укладывались въ чужія формы. «Совокупилось пятьдесятъ семь талантовъ, чтобы одолѣть одинъ»—въ прекрасномъ изданіи графа Орлова, который, живя въ Италіи и Парижѣ, заинтересовалъ этими баснями корифеевъ итальянской и французской поэзіи. «Вандалы» первые ознакомились съ Крыловымъ и оцѣнили его геній. Французскіе критики простили

Крылову даже непріязнь къ французскому вліянію, уяснивъ себѣ, что непріязнь эта относилась лишь къ нелѣпымъ заимствованіямъ. Они справедливо не могли простить ему лишь того, что онъ «посадилъ въ адъ» знаменитаго философа, въ баснѣ «Сочинитель и Разбойникъ».

Въ оправданіе Крылова отъ этого обвиненія соотечественникъ нашъ въ Парижѣ, Яковъ Николаевичъ Толстой, написалъ брошюру, въ которой доказывалъ, что Крыловъ подъ «сочинителемъ» вовсе не разумѣлъ Вольтера. Однако защита была «не слишкомъ убѣдительна», какъ говоритъ академикъ А. Ѳ. Бычковъ.

«Ни одинъ народъ не имѣетъ баснописца, который стоялъ бы выше Крылова въ изобрѣтеніи и оригинальности», говорилъ Лемонте во введеніи къ изданію гр. Орлова. Особенный успѣхъ имѣла басня «Гуси», переведенная нѣсколько разъ. Критикъ Геро ставитъ Крылова въ нѣкоторыхъ случаяхъ выше Лафонтена. Критикъ «Journal de Débats» говоритъ о здравомъ смыслѣ и умѣ баснописца; удивляется естественности басенъ, изящной простотѣ и остроумію, глубинѣ мысли и художественной отдѣлкѣ подробностей. Сальфи, въ предисловіи къ итальянскому переводу, признаетъ нашего баснописца первостепеннымъ, а переводъ басенъ его цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для итальянской литературы. Одинъ за другимъ слѣдовали переводы басенъ еще при жизни Крылова на разные языки, въ томъ числѣ на нѣмецкій и на скандинавскіе. Потомъ явились переводы на еврейскій, арабскій и изъ новыхъ языковъ—еще на польскій и англійскій.

Итакъ, чего еще оставалось желать баснописцу въ жизни? Его окружали покой, слава и любовь. Къ сожалѣнію его крѣпкое здоровье пошатнулось—онъ сталъ страдать приливами крови къ головѣ. При второмъ ударѣ, случившемся въ 1823 году, когда покривилось его лицо, больной Крыловъ дотащился до дома Оленинныхъ на Фонтанкѣ, противъ Обуховской больницы, и сказалъ доброй Елизаветѣ Марковнѣ, которая заботами о немъ была ему точно вторая мать: «Вѣдь я сказалъ вамъ, что приду умереть у ногъ вашихъ; взгляните на меня». Крыловъ оставался въ домѣ Оленинныхъ до выздоровленія. Когда-же весною

Императрица Марія Ѳедоровна переѣхала въ Павловскъ, и до нея дошла вѣсть о болѣзни маститаго поэта, она приказала А. Н. Оленину перевезти его въ Павловскъ, прибавивъ: «подъ моимъ надзоромъ онъ скорѣе поправится». Ив. Андр. въ самомъ дѣлѣ поправился совершенно и признательность къ августѣйшей покровительницѣ своей выразилъ въ граціозной баснѣ «Василекъ». Онъ написалъ ее въ одномъ изъ альбомовъ, что разложены были на столахъ въ «Розовомъ Павильонѣ» въ Павловскомъ паркѣ. На заглавной картинкѣ къ этой баснѣ, въ одномъ изъ изданій, Иванъ Андреичъ сидитъ на камнѣ въ Павловскомъ саду, возлѣ бюста Императрицы, и подслушиваетъ разговоръ Василька съ Жукомъ. Крыловъ говорилъ потомъ своему сослуживцу: «Да, мой милый, это одно обязываетъ меня написать исторію своей жизни». Онъ ее не написалъ однако. «Онъ перенесъ подъ 60° широты неаполитанскую безпечность и предается той роскошной лѣни, которая взлелѣяла геніи Лафонтена и Шолье. Муза его уступаетъ только настойчивымъ просьбамъ другихъ. Это такой *басенникъ* (fablier, какъ-бы плодовое дерево), который нужно крѣпко потрясти, чтобы съ него упали плоды». Не даромъ и добродушный братъ его сожалѣлъ, что муза его «сонливая и лѣнивая». Оправившись отъ болѣзни, Крыловъ еще больше привязался къ семьѣ Олениныхъ. Домъ ихъ оставался постоянно радушнымъ и гостепріимнымъ. Оленинъ самъ былъ большимъ поклонникомъ талантовъ и искусствъ, а «еще больше кажется любилъ имъ покровительствовать», хотя ему «можетъ-быть недоставало смѣтливости и утонченнаго проницательнаго чувства, столь полезнаго въ художественномъ дѣлѣ». Онъ оставался однимъ и тѣмъ-же, и его маленькую, сухощавую фигуру неизмѣнно видѣли десятки лѣтъ за письменнымъ столомъ. Онъ былъ яростнымъ врагомъ Франціи и говорилъ о французахъ, что «нѣтъ народа, нѣтъ людей подобныхъ этимъ уродамъ, что всѣ ихъ книги достойны костра», къ чему не скупились прибавлять другіе: «а головы ихъ—гильотины». Послѣднія слова принадлежали юному поэту, который однако подъ стѣнами Парижа оплакивалъ участь осажденнаго города, а войдя въ него, въ мигъ поддался очарованію этого ужаснаго народа, этихъ «вандаловъ», о которыхъ писалъ уже съ восхи-

щеніемъ, съ восторгомъ. Парижъ дѣйствовалъ подобно чарамъ Цирцеи. Его ненавидѣли, пока не попадали въ его объятія, какъ въ волшебный чарующій міръ.

«Дому Олениныхъ служила украшеніемъ его хозяйка. Образецъ женскихъ добродѣтелей, нѣжнѣйшая мать, примѣрная жена, одаренная яснымъ умомъ и кроткимъ нравомъ, Елизавета Марковна оживляла и одушевляла общество въ своемъ домѣ. Она была болѣзненна. «Часто, лежа на широкомъ диванѣ, окруженная посѣтителями, видимо мучась, умѣла она улыбаться гостямъ», чтобы не разстроить бесѣды. Нашъ увѣсистый «Крылышко» покоился подъ ея крыломъ. Дочери ея съ дѣтства привыкли къ ласковому «дѣдушкѣ», который иногда баловалъ ихъ басенками. Однажды вечеромъ дѣвушки стали совѣтоваться, какъ разбудить старика, дремавшаго въ креслѣ. Онѣ рѣшились всѣ три поцѣловать его въ лобъ. Ив. Андр. проснулся и, тронутый милою шуткой, написалъ стихотвореніе «Три поцѣлуя», которое помѣстилъ въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ».

Особенное оживленіе было въ домѣ Оленина въ періодъ отечественной войны. Оленинъ принималъ дѣятельное участіе въ вооруженіи милиціи и самъ носилъ ополченскій мундиръ съ зеленымъ перомъ. Тогда и Крыловъ писалъ одну за другой свои басни и читалъ ихъ въ домѣ Оленина. Онѣ касались то прямо событій войны, какъ «Ворона и Курица», «Волкъ на псарнѣ», то направлены были противъ иноземцевъ вообще и французскаго воспитанія. Въ баснѣ «Крестьянинъ и Змѣя», онъ разумѣетъ подъ змѣей воспитателя-иностранца, точно такъ какъ и простые люди, особенно русскія няни въ барскихъ домахъ, называли еще недавно «змѣей» иностранца-гувернера. Въ это время отличался гоненіемъ на французовъ извѣстный издатель «Русскаго Вѣстника» Ѳ. Глинка, которому авторъ одной сатиры устроилъ уголокъ въ своемъ «желтомъ домѣ для литературной братіи».

Нумеръ третій—на лежанкѣ
Истый Глинка возсѣдитъ.
Передъ нимъ духъ русскій въ стклянкѣ
Неоткупоренъ стоитъ.

* * *

Не привелось увидѣться Ивану Андреичу съ братомъ, несмотря на горячее желаніе обоихъ. Онъ посылаетъ ему постоянное «жалованье», басни и другія книги, на которыя Левъ Андреичъ высказываетъ свои наивныя замѣчанія: «Жуковскій пишетъ, кажется, только для ученыхъ и болѣе занимается вздоромъ (!), а потому слава его весьма ограничена. А также г. Гнѣдичъ—человѣкъ высокоумный, и щеголяетъ на поприщѣ славы между немногими. Но какъ ты, любезный тятенька, пишешь—это для всѣхъ: для малаго и стараго, для ученаго и простого, и всѣ тебя прославляютъ. Басни твои—это не басни, а *апостолы*»... Иванъ Андреичъ писалъ брату, что въ Павловскѣ бываетъ всегда за столомъ Императрицы и, участвуя въ забавахъ, игралъ роль Фоки, а кн. Голицынъ—Демьяна. Это дало поводъ къ забавному недоразумѣнію. Братъ понялъ такъ, что Ив. Андр. сдѣлалъ изъ басни оперу, и просилъ прислать ему. Прочтя въ «Инвалидѣ», что Ив. А. поднесли въ академіи золотую медаль, онъ проситъ прислать ему изображеніе, написать—на какой лентѣ, при этомъ ему желательно знать, кто президентъ и т. д. Ив. Андреичъ помогъ брату обзавестись маленькимъ хуторомъ; но не долго послѣдній имъ пользовался.

Оправившись вполнѣ послѣ своей болѣзни, Иванъ Андреичъ, какъ бы «наскуча жить Лафонтеномъ», вдругъ совершилъ путешествіе. Проходилъ онъ по набережной и встрѣтилъ знакомаго, который, собираясь ѣхать въ Ревель, сталъ звать его съ собою, навѣстить командира порта, знакомаго также Крылову и извѣстнаго своимъ хлѣбосольствомъ. Иванъ Андреичъ, не долго думая, сѣлъ на корабль.

Эта поѣздка и ея оригинальная внезапность были долго предметомъ разговоровъ. Крыловъ сообщилъ брату о событіи, и послѣдній былъ этимъ очень взволнованъ. «И такъ ты теперь, любезный тятенька, можешь назваться мореходцемъ,» писалъ онъ ему...

Это письмо было послѣднимъ. Черезъ мѣсяцъ Иванъ Андреичъ получилъ офиціальное извѣщеніе о смерти брата отъ сильной горячки. Послѣднія его слова были: «Ахъ, любезный братъ, ты не знаешь, какъ я боленъ».

Крыловъ написалъ, чтобы хуторъ со всѣмъ инвентаремъ и

двумя коровами отдали деньщику, а прочія вещи роздали на память.

Смерть брата сильно подѣйствовала на Крылова, хотя они не видѣлись больше 17 лѣтъ. Онъ не измѣнилъ образа жизни, посѣщалъ клубъ и домъ Оленина, но сдѣлался мрачен и молчаливъ. Хотя никогда не былъ онъ разговорчивъ, но, говорятъ, бывалъ занимателенъ, если удавалось его вызвать на разговоръ. Никто не рѣшался спросить его, въ чемъ дѣло. Прошло недѣли три, пока онъ сталъ приходить въ нормальное состояніе. Тогда, на вопросъ Е. М. «Что съ вами было, Крылочко? Вы на себя не походили?»—онъ отвѣчалъ: «у меня былъ родной братъ, единственное существо на свѣтѣ, связанное со мной кровными узами. Недавно онъ умеръ. Теперь я остался одинъ».

Обвиненіе въ связи съ шулерами въ молодости могло положить тѣнь на честь Крылова. Но вся жизнь его и брата свидѣтельствуютъ напротивъ о твердыхъ правилахъ чести: «За грѣхъ и стыдъ почиталъ и почитаю, пишетъ ему братъ въ одномъ письмѣ, чѣмъ-нибудь непозволительнымъ пользоваться, черезъ что могъ-бы потерять честь и доброе имя. Да и на что мнѣ? Я, по твоей милости, нужды ни въ чемъ не терплю».

* *
*

Уже въ 1814 году Крыловъ получилъ на изданіе басенъ въ 3-хъ книгахъ пособіе въ 4,200 руб. ас. изъ Кабинета Его Величества. Государь сказалъ тогда, что готовъ всегда помочь Крылову, если онъ будетъ продолжать «хорошо» писать. Опираясь на это Высочайшее слово, Оленинъ ходатайствуетъ теперь о пособіи для новаго изданія, такъ какъ съ тѣхъ поръ Иванъ Андреичъ издалъ еще три книги басенъ на свой счетъ, а теперь собралъ седьмую книгу изъ 20 новыхъ басенъ. Въ доказательство отвращенія Крылова отъ вольнодумства Оленинъ ссылается въ своемъ докладѣ на негодованіе французскаго журнала по поводу басни «Сочинитель и Разбойникъ». По докладу этому Императоръ Александръ разрѣшилъ выдать Крылову десять тысячь рублей ас. Въ новомъ изданіи первою была поставлена басня «Конь и Всадникъ», написанная еще въ

1814 г.». Въ ней Крыловъ разумѣлъ французскій народъ и революцію. Картинка къ ней исполнена была Зауэрвейтомъ по мысли А. Н. Оленина.

Эти басни доказали, что духъ баснописца не ослабѣлъ, какъ не ослабѣла и энергія его въ обработкѣ стиха; по собственнымъ его словамъ, онъ читалъ и перечитывалъ басню много разъ, пока какое нибудь мѣсто не переставало ему нравиться. Тогда онъ исправлялъ его. Никогда не торопился онъ печатать. Напротивъ баснямъ своимъ давалъ онъ долгій отдыхъ, держалъ ихъ какъ лежалыя сигары, какъ старое вино, оттого и были онѣ хороши. Вотъ почему въ 1819 г. онъ объявилъ, что думаетъ закончить свое поприще. Нельзя этому вѣрить. Скорѣе хотѣлъ онъ имѣть покой отъ назойливыхъ просьбъ и работать медленно. Такъ же вѣроятно подготовлялъ онъ и первыя свои три басни, съ которыми явился къ Дмитріеву. «Я авторъ и, сказать вамъ на ушко, довольно самолюбивый», говоритъ онъ въ письмѣ къ дочери Оленина. Увѣряя ее, что перечитывалъ письмо ея много разъ, онъ прибавляетъ шутя: «Но если-бы я зналъ, что мои стихи перечитываютъ столько разъ, то сталъ-бы спѣсивѣе г. Хвостова, котораго впрочемъ никто не читаетъ». Въ упомянутомъ изданіи одна уже «Муха и Пчела» говоритъ о томъ, какъ легко владѣетъ старикъ изящнымъ стихомъ, не уступающимъ «легкой поэзіи» Дмитріева.

Притомъ-же, жалуя полъ нѣжный,
Вкругъ молодыхъ красавицъ вьюсь
И отдыхать у нихъ сажусь
На щечкѣ розовой, иль шейкѣ бѣлоснѣжной.

Въ баснѣ «Богачъ и Поэтъ» маститый старикъ, много испытавшій на своемъ вѣку, вѣнчанный славой, но не забывшій лишеній и обидъ своей молодости, подаетъ руку бѣдному поэту на тернистомъ пути, напоминаетъ ему, что «въ поздній вѣкъ его достигнутъ лиры звуки». Въ баснѣ «Соловьи» сочувствуетъ бѣдняжкѣ Соловью, котораго

Чѣмъ пѣлъ пріятнѣй и нѣжнѣй,
Тѣмъ стерегли его плотнѣй.

Въ баснѣ «Два мужика» осторожный, но умный баснописецъ замѣчаетъ:

Для пьянаго и со свѣчею худо,
Да врядъ не хуже-ль и въ потьмахъ.

* * *

Продавъ очень выгодно изданіе, Крыловъ сталъ было собираться за-границу и подговаривалъ къ тому-же Гнѣдича, но, оказалось, что послѣднему было легче убѣдить самого Крылова остаться дома. «Въ стихахъ, написанныхъ по этому поводу Гнѣдичемъ, много истины, меланхоліи и граціи». Въ самомъ дѣлѣ, какъ-то трудно и вообразить себѣ нашего Крылова въ Европѣ. А интересно было-бы знать, какъ отозвался-бы его трезвый умъ на во-очію увидѣнную сказку.

«Оставшись дома, но чувствуя потребность въ какой нибудь перемѣнѣ наскучившей ему жизни, онъ рѣшилъ измѣнить обстановку и издержать деньги на убранство комнатъ. Явилась мебель Гамбса и картины въ новыхъ золоченыхъ рамахъ; полы устланы англійскими коврами. На великолѣпной горкѣ краснаго дерева, лучшей, какая была въ магазинѣ, разставлены фарфоръ и другія бездѣлушки; Крыловъ завелъ нѣсколько дюжинъ полотнянаго и батистоваго бѣлья и богатый хрусталь. Онъ пригласилъ на обѣдъ Олениныхъ и друзей, но это былъ первый и послѣдній опытъ. Чрезъ двѣ недѣли картина измѣнилась. Пыль и паутина снова покрывали мебель и картины, на коврѣ разсыпанъ овесъ, по старому пируютъ голуби—его пріятели и гости, а онъ съ сигарой на диванѣ лѣниво тѣшится ихъ аппетитомъ и воркованьемъ. При входѣ каждаго посѣтителя голуби быстро поднимались съ ковра и, разлетаясь по комнатѣ, садились на бронзу и картины, а хрусталь на красной горкѣ звенѣлъ, убавляясь съ каждымъ днемъ. Еще затѣялъ однажды Крыловъ устроить у себя садъ. Накупилъ до 30 кадокъ съ деревьями лавровыми, миртовыми, лимонными, апельсинными и украсилъ квартиру такъ, что съ трудомъ между ними проходилъ. Разумѣется и этотъ его эдемъ скоро завялъ и засохъ». Такъ проводилъ онъ годы на своемъ диванѣ, принимая иногда посѣтителей, которые никогда его не забывали. «Что сказалъ Крыловъ?» интересовался знать каждый авторъ новаго произведенія. Его замѣчаніями пользовались охотнѣе всего

молодые таланты. Глядя на него, въ самомъ дѣлѣ трудно было повѣрить, «что-бы въ эту громадносплоченную твердыню могли проникнуть какія нибудь страсти», кромѣ какъ ко сну и ѣдѣ, разумѣется. Слыша жалобы молодыхъ людей на желудокъ, онъ говорилъ: «А я такъ бывало не давалъ ему потачки. Если чуть задуритъ, то я наѣмся вдвое, такъ онъ себѣ, какъ хочетъ, пусть развѣдывается». Крыловъ говорилъ, что за столъ надобно такъ садиться, чтобы, какъ скрипачъ, свободно дѣйствовать правой рукою. Такъ и старался онъ садиться. За обѣдомъ онъ часто шутилъ. Съ забавнымъ остроуміемъ разсказывалъ онъ исторію ботвиньи черезъ какія усовершенствованія она прошла до современной формы. Кромѣ какъ для обѣдовъ избѣгалъ онъ выѣзжать. Когда на одномъ изъ засѣданій покойной Россійской Академіи предложено было чаще собираться, Крыловъ согласился со всѣми, но съ важностью прибавилъ: «за исключеніемъ конечно почтовыхъ дней», какъ-бы забывая, что въ столицѣ почта отправлялась уже давно ежедневно. Да и забавно было въ самомъ дѣлѣ, что онъ оставлялъ за собою почтовые дни, онъ, который «изъ всѣхъ смертныхъ наименѣе пользовался письменною почтою». Однако онъ оставилъ нѣсколько писемъ къ дочери Оленина, въ которыхъ много оригинальнаго остроумія и добродушія.

Есть указанія еще на нѣсколько писемъ.

* * *

Къ славѣ своей Крыловъ не былъ нечувствителенъ: «Однажды лѣтомъ шелъ онъ по какой-то улицѣ, гдѣ передъ домами были разведены садики. Онъ издали замѣтилъ, что за одною отгородкою играли дѣти, и съ ними была дама, вѣроятно мать ихъ. Прошедши это мѣсто, случайно взглянулъ онъ назадъ и видитъ, что дама беретъ дѣтей поочередно на руки, поднимаетъ ихъ надъ заборчикомъ и глазами своими указываетъ на Крылова каждому изъ нихъ».

Со слезами на глазахъ, говорятъ, разсказывалъ Ив. Анд. объ этомъ друзьямъ. Къ этому-же времени относится и анекдотъ, разсказанный въ «Русской Старинѣ» въ 1870 году, какъ

двое студентовъ встрѣтили Крылова на улицѣ и одинъ изъ нихъ, не зная И. А., сказалъ: «вотъ туча идетъ». На что Крыловъ, будто-бы, услышавъ эти слова, сказалъ экспромтомъ: «и лягушки заквакали».—Тотъ-же разсказчикъ повѣствуетъ, что Крылова встрѣтилъ на Невскомъ Государь и сказалъ ему: «давненько тебя не видалъ», на что И. А. жившій какъ извѣстно въ Импер. Публичной Библіотекѣ отвѣтилъ: «а, кажись, сосѣди, Ваше Величество».

Иванъ Андреичъ пережилъ Екатерину, Павла и Императора Александра I. Десять тысячъ рублей на изданіе басенъ въ 1824 году была послѣдняя милость царя. Императоръ Николай такъ-же благосклонно относился къ баснописцу, и въ 1831 г., въ числѣ подарковъ своихъ на Новый годъ великому князю наслѣднику цесаревичу, прислалъ бюстъ Крылова. Нѣсколько лѣтъ спустя удвоена была ему пенсія. Императрица Александра Θедоровна жаловала часто Крылову букеты. Онъ хранилъ ихъ, и засохшіе цвѣты положены были на груди его послѣ смерти, во время отпѣванья. Крылова приглашали и на маскарады во дворцѣ. Однажды въ домѣ Оленина замѣтили, что Ив. Андр. въ мрачномъ расположеніи духа. «Что съ вами, дѣдушка?»—спросила его Варвара Алексѣевна, которую онъ особенно любилъ.—«Да вотъ бѣда: надо ѣхать во дворецъ въ маскарадъ, а не знаю, какъ одѣться».—«А вы-бы, дѣдушка, помылись, побрились, одѣлись-бы чистенько, васъ тамъ никто-бы и не узналъ». Шутка искренно любимой «фавориточки», какъ называлъ Крыловъ любимицу, развеселила его, но забота осталась. По совѣту знаменитаго Каратыгина, баснописецъ нарядился въ костюмъ боярина—кравчаго.

Маскарадъ устроенъ былъ на англійскій манеръ. Кому достался кусокъ пирога со спрятаннымъ въ немъ бобомъ, тотъ былъ царемъ праздника. Къ этому-то царю Крыловъ, соотвѣтственно своей роли и костюму, обратился съ рѣчью.

По части кравческой, о царь, мнѣ рѣчь позволь,
И то, чего тебѣ желаю,
И то, о чемъ я умоляю,
Не морщась выслушать изволь.
Желаю, нашъ отецъ, тебѣ я аппетита,
Чтобъ на день разъ хоть пять ты кушалъ-бы до-сыта,

А тамъ бы спалъ, да почивалъ,
Да снова кушать-бы вставалъ.
Вотъ жить здоровая манера!
Съ ней къ году,—зá это я, кравчій твой, берусь—
Ты будешь ужъ не бобъ, а будешь царь-арбузъ!
Отецъ нашъ, не бери ты съ тѣхъ царей примѣра,
Которые не лакомо ѣдятъ,
За подданныхъ не спятъ,
И только лишь того и смотрятъ и глядятъ,
Чтобъ были всѣ у нихъ довольны и счастливы;
Но разсуди премудро самъ,
Чтò за житье съ такой заботой пополамъ?
И бѣднымъ кравчимъ намъ
Какой тутъ ждать себѣ награды?
Тогда хоть брось все наше ремесло,
Нѣтъ, не того бы мнѣ хотѣлось!
Я всякій день молюсь тепло,
Чтобы тебѣ, отецъ, пилось бы лишь да ѣлось,
А дѣло-бы на умъ не шло.

Государю понравилось это стихотвореніе. Тогда Крыловъ просилъ дозволенія прочесть «Вельможу»—эту басню почему-то не разрѣшали ему печатать. Она такъ понравилась царю, что онъ обнялъ Крылова, поцѣловалъ его и промолвилъ: «пиши, старикъ, пиши». Разумѣется Крыловъ получилъ дозволеніе ее напечатать. Такимъ образомъ умѣлъ Крыловъ и теперь достигать цѣли.

Справедливо, что безпечность и праздполюбіе Крылова происходили больше отъ равнодушія къ тому, чѣмъ жизнь увлекаетъ другихъ, нежели отъ истощенья душевныхъ его силъ. Свѣтлый умъ и твердая воля сохранились въ немъ до послѣднихъ дней.

* * *

Крыловъ еще имѣлъ довольно силъ, чтобы пережить свой праздникъ—пятидесятилѣтній юбилей литературной дѣятельности, 2 февраля 1838 года. Скромный баснописецъ сказалъ друзьямъ, пріѣхавшимъ за нимъ передъ началомъ праздника: «Я не умѣю сказать, какъ благодаренъ за все моимъ друзьямъ, и конечно мнѣ еще веселѣе ихъ быть сегодня вмѣстѣ съ ними. Боюсь только, не придумали-бы вы чего лишняго:

вѣдь я то-же, что иной морякъ, съ которымъ отъ того только и бѣда не случалась, что онъ не хаживалъ далеко въ море». Конечно такая скромность придавала только больше прелести празднику. Трудно описать трогательное величіе этого праздника, отличавшагося необыкновенной искренностью и сердечностью. Всему придавала особый характеръ оригинальная личность баснописца, его скромность, простота и слава, уже такъ давно окружавшая его имя. Жуковскій, кн. Одоевскій, Плетневъ, кн. Вяземскій и др. привѣтствовали его—кто рѣчью, кто стихами, а публика—цвѣтами и восторженными проявленіями любви и радости. Листки изъ одного вѣнка раздавалъ Крыловъ на память друзьямъ. Онъ былъ сильно тронутъ. Кромѣ тостовъ и гимна, Петровъ пропѣлъ положенные на музыку, стихи кн. Вяземскаго:

На радость полувѣковую
Скликаетъ насъ веселый зовъ.
Здѣсь съ музой свадьбу золотую
Сегодня празднуетъ Крыловъ.
На этой свадьбѣ всѣ мы сватья,
И не къ чему таить вину:
Всѣ заодно. всѣ безъ изъятья
Мы влюблены въ его жену и т. д.

Послѣ юбилея была выбита въ память его медаль. Крыловъ получилъ массу писемъ съ выраженіями поклоненія, любви и дружбы.

Оригинальное поздравленіе было въ письмѣ за подписью «Левъ—за себя и прочихъ звѣрей и скотовъ. Орелъ—за себя и прочихъ птицъ». Звѣри и птицы, узнавъ, что другія животныя (т. е. люди) празднуютъ юбилей баснописца, благодарятъ Крылова за то, что на пути къ безсмертію онъ взялъ съ собою и ихъ. Они обѣщаютъ ему, когда получатъ даръ слова, устроить свой праздникъ, на которомъ разскажутъ, какъ его басни исправили ихъ нравы. Соловьи будутъ воспѣвать своего пѣвца, а ословъ (это всего труднѣе) заставятъ молчать.

Газеты и журналы не переставали долго заниматься юбилеемъ Крылова и имъ самимъ; но самъ-то онъ вовсе этимъ не интересовался и ушелъ снова въ свой уголъ, на свой диванъ въ гостиной, гдѣ утопалъ въ облакахъ дыма, вы-

выкуривая въ день до 50 сигарокъ. Въ томъ-же году, вслѣдъ за радостью, почестями и славой, онъ потерялъ лучшаго друга. Умерла Е. М. Оленина. Въ утѣшеніе этого горя имѣлъ онъ удовольствіе въ это время выбрать и назначить двухъ стипендіатовъ на проценты съ собранной по случаю юбилея суммы около 60,000 руб. По желанію великой княгини Маріи Николаевны художникомъ Ухтомскимъ была списана съ натуры комната, гдѣ занимался Крыловъ, и онъ самъ въ томъ видѣ, «въ какомъ одна только муза его видитъ, т. е. въ шлафрокѣ».

Въ 1841 г. Крыловъ оставилъ службу, съ пенсіей около 12,000 руб. ас. и поселился на Васильевскомъ островѣ, въ домѣ купца Блинова, по 1-й линіи. Отсюда даже въ Англійскій клубъ сталъ онъ выѣзжать довольно рѣдко. Въ слѣдующемъ году онъ получилъ снова приглашеніе, отъ имени великой княгини Елены Павловны, принять участіе въ маскарадѣ, въ костюмѣ русскаго боярина, «въ кадрили знаменитыхъ поэтовъ». Страстный любитель музыки, онъ уже послѣ отставки, живя на островѣ, вышелъ изъ своего логовища послушать знаменитую Віардо-Гарцію. Собственная его скрипка давно уже висѣла беззвучно на стѣнѣ, и струны ея покрыты были густою пылью, какъ и все вокругъ него. «Лучшіе друзья его были уже въ могилѣ. Лѣта, а особливо тучность отягощала его; сердце осиротѣло, онъ грустилъ. Посѣщаемый литераторами, онъ былъ однако разговорчивъ, ласковъ и всегда пріятенъ». Патріархъ русской литературы, онъ пережилъ цѣлую плеяду молодыхъ поэтовъ: геніальнаго Пушкина и Грибоѣдова, Батюшкова, Лермонтова и др. Онъ остался одинъ предъ ихъ могилой, самъ уже усталый отъ жизни и славы, и правъ былъ, кажется, поэтъ, сказавшій въ это время желчно:

Державинъ спитъ въ сырой могилѣ,
Жуковскій пишетъ чепуху.
И ужъ Крыловъ теперь не въ силѣ
Сварить Демьянову уху.

* * *

«Когда Прометей задумалъ создать человѣческое существо, онъ взялъ у каждаго животнаго преобладающую черту его

характера, чтобъ эти черты соединить въ нашей природѣ». Крыловъ какъ-бы задумалъ разрушить его работу. Онъ извлекаетъ особенности нашей натуры, наши слабости и недостатки. иногда достоинства, и каждую черту превращаетъ въ живой образъ. Лесть, жадность, высокомѣріе, предательство, скупость — все это оживаетъ въ яркихъ образахъ, вызывающихъ смѣхъ. Дѣйствительность и фантазія уживаются въ этомъ мірѣ. Мѣшокъ въ углу разсуждаетъ, и мы слышимъ его ворчливый голосъ. Муравей тянется на возу съ сѣномъ, думая, что его видитъ весь свѣтъ, между тѣмъ какъ онъ «дивитъ только свой муравейникъ». Скупой умираетъ отъ истощенія силъ надъ золотомъ. Вотъ въ баснѣ «Бѣдный Богачъ» несчастный тащитъ одинъ за другимъ червонцы изъ кошелька, не смѣя ни одного истратить, чтобы не исчезло богатство. Крылову фортуна тоже сказала:

«Вотъ кошелекъ тебѣ: червонецъ въ немъ—не болѣ. Но вынешь лишь одинъ, ужъ тамъ готовъ другой».

Не такова-ли была природа его таланта? Но не будучи скупымъ, онъ не былъ и расточителенъ. Осторожный мудрецъ, онъ умѣлъ пользоваться своими червонцами, но не спѣшилъ таскать ихъ безъ счету. Въ басняхъ его говоритъ всегда мудрость. Она требуетъ во всемъ осторожности, но не застоя однако. Просвѣщенье и трудъ—это два его кумира. Гуманность, сочувствіе слабому сопутствуютъ ему вездѣ. Крыловъ всегда на сторонѣ обиженнаго. Онъ преслѣдуетъ невѣжество и произволъ. Взятки составляютъ болѣзнь, бывшую до нашего времени почти неизлечимою. Крыловскій «пушокъ на рыльцѣ» сталъ смущать покой многихъ. Его басни вѣчны. Это «неувядаемые цвѣты поэзіи», хотя самъ Крыловъ ничего не читалъ, кромѣ *Всемірнаго Путешественника*, разсчетной книги и календаря», какъ подшутилъ одинъ изъ его друзей и горячихъ поклонниковъ. Но кромѣ общечеловѣческаго, въ нихъ есть родное, русское, есть въ небывалой мѣрѣ. Каждая басня его урокъ человѣчеству, урокъ своему народу и въ то-же время источникъ неисчерпаемаго наслажденія.

Въ сказкѣ покойнаго сатирика совѣсть попадаетъ въ сердце «маленькаго русскаго дитяти», и «будетъ маленькое дитя боль-

шимъ человѣкомъ, и будетъ въ немъ совѣсть большою совѣстью. И исчезнутъ тогда всѣ неправды, коварства и насилія, потому что совѣсть будетъ не робкая и захочетъ распоряжаться всѣмъ сама». Въ началѣ этого пути стоятъ басни.

«Чтó онъ говорилъ?» спрашиваетъ митрополитъ Макарій въ своей рѣчи на открытіе памятника Крылову: «говорилъ то, что можетъ говорить человѣкъ самаго здраваго смысла, практическій мудрецъ, и въ особенности мудрецъ русскій. Братья соотечественники! договаривать-ли, чтó еще завѣщалъ намъ безсмертный баснописецъ? Онъ завѣщалъ любовь, безграничную любовь ко всему отечественному, къ нашему родному слову, къ нашей родной странѣ и ко всѣмъ началамъ нашей народной жизни... Итакъ, развивайте ваши молодыя силы и способности, воспитывайте и укрѣпляйте ихъ во всемъ прекрасномъ, обогащайте себя разнородными познаніями, *откуда-бы они ни приходили*, старайтесь усвоить себѣ всѣ плоды общеевропейскаго, *общечеловѣческаго* образованія. Но зачѣмъ? затѣмъ, помните, чтобы все это добро, вами пріобрѣтенное, принести въ жертву ей, вашей родной матери — Россіи».

Такъ прекрасно поясняетъ просвѣщенный митрополитъ завѣтъ Крылова въ духѣ гуманности, любви, общественнаго согласія и терпимости. Всякій раздоръ, всякая неприязнь и нетерпимость не только чужды были Крылову въ личной его жизни, но и осмѣяны имъ въ басняхъ. Слѣпоту литературныхъ партій осмѣялъ онъ въ «Прихожанинѣ»; развратное и злое направленіе, сѣющее вражду въ странѣ — въ баснѣ «Сочинитель и Разбойникъ»; гибельную силу раздора — въ баснѣ «Алкидъ». Не слѣдуетъ забывать никогда и въ общественной жизни его «Гребня». Увы, «теперь имъ чешутся наяды».

* * *

Иванъ Андреевичъ Крыловъ скончался въ четвергъ, въ 7 ч. 45 м. утра, 9 ноября 1844 года, 76 лѣтъ 9 мѣсяцевъ 7 дней отъ роду.

Въ объявленіи о подпискѣ на памятникъ Крылову князь Вяземскій писалъ: «Памятникъ Крылову воздвигнутъ будетъ

въ Петербургѣ. И гдѣ-же ему быть, какъ не здѣсь? Не здѣсь родился поэтъ, но здѣсь родилась и созрѣла слава его. Онъ былъ собственностью столицы, которая дѣлилась имъ съ Россіей. Не былъ-ли онъ и при жизни своей живымъ памятникомъ Петербурга? Съ нимъ живали и водили хлѣбъ-соль дѣды нашего поколѣнія, онъ-же забавлялъ и поучалъ дѣтей нашихъ. Кто изъ Петербургскихъ жителей не зналъ его, по крайней мѣрѣ съ виду? Кто не имѣлъ случая любоваться этимъ открытымъ широкимъ лицомъ, на которомъ отпечатлѣвалась сила мысли и отсвѣчивалась искра возвышеннаго дарованія? Кто не любовался этою могучей, обросшею сѣдыми волосами львиной головой, не даромъ приданною баснописцу, который также повелитель звѣрей; этимъ монументальнымъ, богатырскимъ дородствомъ, напоминающимъ намъ запамятованныя времена воспѣтаго имъ Ильи-богатыря? Кто, и не знакомый съ нимъ, встрѣтя его—не говорилъ: «*вотъ дѣдушка Крыловъ!*» и мысленно не кланялся поэту, который былъ близокъ каждому русскому». Больше полу-вѣка назадъ, при жизни самого баснописца, съ его-же устнаго разсказа, была написана г-жою Карлгофъ статья о немъ для дѣтей въ журналѣ «Звѣздочка». Къ этой статьѣ эпиграфомъ служили стихи, которыми мы закончимъ біографію баснописца:

Какой-то чародѣй, какъ говоритъ преданье,
Ключъ къ тайнѣ нравиться въ волшебный ларчикъ скрылъ—
Его могло открыть одно лишь дарованье;
Крыловъ нашъ просто взялъ да и открылъ.

